РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И.Е. Федорова

ИРАН - США:
диалог и противостояние

Москва 2004
ИВ РАН

ББК 66.4. (07) (5 Ирн)
Ф32

Ответственный редактор к.э.н. Н.М. Мамедова
Рецензенты: к.и.н. Л.М. Кулагина
д.и.н. В.А. Ушаков

Ф32 Федорова И.Е.
Иран - США: Диалог и противостояние.-
М.: Институт востоковедения РАН, 2004.- 141с.

ISBN5-89282-236-2

Книга посвящена проблемам отношений Исламской Республики Иран и Соединенных Штатов Америки за последние четверть века: от полного разрыва и захвата заложников до появления тенденций к их налаживанию. В ней прослеживается тесная зависимость внешнеполитических акций иранского руководства от внутренней ситуации в Иране.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для широкого круга читателей.

ББК 66.4 (07) (5 Ирн)

ISBN5-89282-236-2 ©Институт востоковедения РАН, 2004
©И.Е.Федорова, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Американо-иранские отношения в российской историографии

Проблемы развития международных отношений на Среднем Востоке в целом и политика США в Иране в частности, как в историческом, так и в современном плане, привлекали внимание российских историков и политологов и получили довольно широкое освещение в российской исторической литературе. В 1950-е годы вышли в свет книги Башкирова А.В. «Экспансия английского и американского империализма в Иране» (М., 1954) и Попова М.В. «Американский империализм в Иране в годы II мировой войны» (М., 1956). Для этих, как и для многих других исторических трудов в то время, характерны несколько упрощенный подход к проблемам социально-политической жизни Ирана и концентрация внимания на отрицательных последствиях политики империалистических держав в странах третьего мира. При этом богатый фактический материал, содержащийся в этих работах, не утратил свое значение и в наши дни.

Интерес к американо-иранским отношениям особенно возрос в 60-х годах XX века, когда Ближний и Средний Восток, необычайно богатый нефтяными ресурсами и узловой в стратегическом отношении, усилиями западных монополий был превращен в один из самых горячих районов мира.

В 1963 году была опубликована работа Абдуллаева З.З. «Начало экспансии США в Иране» (М., 1963), посвященная первому этапу экономического и политического проникновения США в Иран, соперничеству английских и американских монополий и реакции иранских политических деятелей на вмешательство во внутриполитическую жизнь Ирана. Помимо этого в названные годы ряд известных иранистов отвели значительное место американо-иранским отношениям в своих работах более общего ха-

рактера. Среди них можно назвать книги Борисова Р.В. «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке» (М., 1960), в которой большое внимание уделяется основным направлениям экономической и военной политики США в Иране и рассматриваются ее движущие силы и мотивы, Агаева С.Л. «Иран: внешняя политика и проблемы независимости (1925-1941)» (М., 1969), Алиева С.М. «Антиимпериалистическое и демократическое движение 1949-1953 гг.» в книге «Иран. Очерки новейшей истории» (М., 1976) и соответствующий раздел в его книге «Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX веке» (М., 1985), Иванова М.С. «Иран в 1960 – 70-е годы XX века» (М., 1977) и главы, написанные тем же автором в учебном пособии «История Ирана» (М., 1978), Орлова Е.А. «Внешняя политика Ирана после II мировой войны» (М., 1975) и ряд других. Особое внимание в этих трудах уделяется деятельности правительства М.Моссадыка и роли США в перевороте 1953 года, этапам проникновения США в Иран, месту нефтяного фактора в установлении «особых отношений» между США и шахским режимом.

Иранская революция 1978-1979 гг. коренным образом изменила ход развития американо-иранских отношений. Новое правительство Ирана аннулировало соглашение 1955 года и соглашение о военном сотрудничестве. В результате был нанесен серьезный удар по всей системе военно-стратегических, экономических и политических позиций США в регионе Ближнего и Среднего Востока. Такое развитие событий вызвало «всплеск» изданий по Ирану. Историки различных стран ставили перед собой вопросы, связанные с тем, каким образом один из вернейших сателлитов США в узловом районе мира – шахский Иран – стал относиться к своему старшему брату как к «великому шайтану», в чем лежала причина захвата американского посольства, что в этих отношениях преходящего, а что является постоянной составляющей их развития. Ответы на эти и другие вопросы можно найти в работах следующих ученых: Агаева С.Л. «Иран: рождение республики» (М., 1984) и «Иранская рево-

люция, США и международная безопасность» (М., 1985), Бининашвили А.М. «Иран во внешнеполитической стратегии США на Среднем Востоке (70 – 80-е годы XX века)» (М., 1985, кандидатская диссертация), Кременюка В.А. «Борьба Вашингтона против революции в Иране» (М., 1984), Кулагиной Л.М. «Внешняя политика ИРИ» в книге «Иранская революция 1978-1979г.г.» (М., 1989), Никонова В.А. «Афера. Иран-контрас. Семь стадий беззакония. Подозреваются все» (М., 1987) и в статьях Федоровой И.Е.«Отношения США и ИРИ во второй половине 90-х гг.» в книге «Иран: эволюция исламского правления» (М., 1998) и «Отношения США и Ирана в середине 90-х годов» в книге «Исламская Республика Иран в 90-е годы» (М., 1998).

Представляется возможным остановиться на следующих оценках российских ученых. Историки придают большое значение националистическому элементу этой революции, действие которого было основано на взаимозависимости и взаимопереплетении националистических и религиозных чувств иранцев. При этом среди широких масс народа правившие в Иране династии Пехлеви и Каджаров тесно ассоциировались, а зачастую отождествлялись с иностранными державами, поддерживавшими их трон. Успех революции в некоторой степени оказался возможным благодаря мобилизации миллионов иранцев против Америки, рисуемой народным сознанием в качестве сатаны.

Второй момент, на который обращают внимание российские ученые, – теснейшая связь между внутриполитической обстановкой в Иране и американо-иранскими отношениями. При этом отмечается широкое применение традиционной для Ирана внешнеполитической модели, когда иностранные державы используются политическими силами во внутренней борьбе за власть. В этом вопросе наблюдается определенное сходство взглядов российских и американских ученых. Например, Л.М. Кулагина пишет: «Операция по захвату американского посольства, проведенная при поддержке исламского духовенства, являлась важным направ-

лением в его внешнеполитической тактике – искусственного раздувания внешних конфликтов с целью отвлечения масс от внутренних экономических и политических трудностей, острых социальных и национальных проблем для укрепления авторитета и власти исламского руководства» («Иранская революция 1978-1979 гг.». М., 1989, с.369). А. Р. Рамазани, американский историк иранского происхождения, отмечает: «Революционный режим не смог избавиться от старой иранской привычки использовать внешнюю политику для решения внутренних проблем... Их лозунг "Нет – Западу, нет – Востоку"... на практике оборачивается внешней и внутренней охотой на ведьм в непрекращающейся и всеразрушающей борьбе за власть» (R.Ramazani. Who lost America. The Case of Iran. - The Middle East Journal 1982, vol.36, №1, с.20).

Можно согласиться с выводами названных ученых о том, что в конце 70 – начале 80-х годов на волне антиамериканских настроений шиитское духовенство добилось сразу нескольких целей: вынудило уйти в отставку правительство М.Базаргана, ослабило недовольство народа ухудшением экономического положения и направило революционный энтузиазм масс против США, создало препятствия на пути деятельности капиталистических государств в Иране и тем самым, развязав борьбу против неугодных духовенству сил внутри страны и дав выход антиимпериалистическим настроениям, способствовало укреплению власти шиитского духовенства.

Еще один вывод ученых, на котором представляется целесообразным остановиться, – это тот факт, что именно перспективы развития ирано-американских отношений являются той разделительной линией, которая лежит между взглядами на будущую внешнюю политику Ирана сторонников либеральных реформ и клерикальными кругами приверженцев жесткой линии в подходе к США.

При этом общий подход ученых заключается в том, что они рассматривают тенденции развития американо-иранских отношений через призму глобальной геополитики. На

основе этого они делают вывод, что США не дадут Ирану, крупнейшей стране региона, выйти из орбиты этой политики. Тогда как со стороны Ирана это будет во многом тесно зависеть от соотношения внутриполитических сил между различными группировками в руководстве страны.

ГЛАВА I

США и Иран накануне революции 1978 – 1979 гг.

В 70-х годах в результате динамического взаимодействия внутренних, региональных и глобальных факторов развития Иран начинает играть все более значительную роль в системе международных отношений. Наряду с этим увеличивается его удельный вес в политике США на Ближнем и Среднем Востоке. Равнодействующая сил, определявших интересы Соединенных Штатов Америки в этом регионе, и тех, которые обусловливали внешнеполитические потребности и претензии Ирана, была направлена на всестороннее укрепление связей между двумя странами и на формирование тесного военного, политического и экономического союза. В названные годы связи с США стали важнейшим внешнеполитическим фактором развития Ирана. В вышедшей в 1981 году в Нью-Йорке книге по истории американо-иранских отношений по этому поводу говорится, что «отношения между Ираном и США достигли зенита своего развития после второй мировой войны... и Иран получил благословение США на то, чтобы стать доминирующей державой региона Персидского залива»[1].

Сотрудничество двух сторон было взаимовыгодным. Шах смог удержаться на троне и укрепить государственную власть при негласной поддержке США, а также с помощью американского оружия держать под контролем мелкие этнические группировки. При этом он понимал, что американская администрация поддерживала его режим не из-за какой-то специфической симпатии к династии Пехлеви, а потому что он лучше других обеспечивает политические, экономические и стратегические интересы США в регионе. В этой связи интересно отметить мнение известного западного востоковеда Ф.Холлидея, который писал, что «шах изучил судьбу южновьетнамского диктатора Нго-Динь Дьема и кубинского диктатора Батисты и знал, что если американ-

ское правительство предпочтет ему другого кандидата, то он будет оставлен без поддержки, как были оставлены они»[2]. Эти слова, написанные в середине 70-х годов, в определенной степени оказались пророческими.

Сотрудничество с Ираном было выгодно Соединенным Штатам Америки, поскольку шахский режим в течение десятилетий служил опорой американским интересам на Среднем Востоке и был вовлечен в систему стран «северного яруса». Особенно важно это стало во время и после вьетнамской войны, сделавшей непопулярным прямое военное вмешательство США в локальные конфликты. К семидесятым годам Иран стал наглядным примером «Доктрины Никсона», которая рекомендовала уменьшение прямого военного вмешательства США в дела стран третьего мира и повышение ответственности союзников США за оборону и безопасность своих регионов. Иран в этой связи должен был получать американскую помощь, в первую очередь военную, и держать под контролем важнейший нефтедобывающий регион мира.

Годы, непосредственно предшествующие иранской революции, стали пиком развития американо-иранского сотрудничества: экономического, политического и военного. В 1976 году эти страны подписали соглашение, которое предусматривало рост объема торговли нефтяными и невоенными товарами до 15 млрд. долл. к 1982 году (практически все в форме экспорта США в Иран). В 1978 году США стали вторым (после ФРГ) по объему поставщиком невоенных товаров в Иран. Число американских граждан, работавших в Иране, достигло 50 000 человек. В этот же период США стали одним из основных потребителей иранской нефти, покупая 15,9% производимой Ираном нефти, что было эквивалентно 5,6% всех американских закупок нефти за рубежом.

Иранская революция 1978 – 1979 гг. проходила как под антимонархическими, так и под антиамериканскими лозунгами, которые из-за многолетней зависимости шахского режима от США находили у народных масс Ирана са-

мый широкий отклик. Причем, несмотря на то, что антиимпериалистическая направленность нередко является составной частью революционных движений в колониях и зависимых странах, представляется, что в Иране она нашла чрезвычайно яркое проявление. Одна из причин этого, возможно, кроется в тесном переплетении религиозных и националистических тенденций, в том, что распространение западного влияния препятствовало стремлению духовенства держать население в политическом и экономическом подчинении. Французский историк Э.Руло в этой связи отмечал двойственную природу иранской революции. Он писал: «Иранская революция имела двойную направленность потому, что она боролась с американским империализмом в такой же степени, как и с деспотизмом шаха, составивших две стороны одной и той же медали»[3]. При этом многие авторы, как советские, так и зарубежные, считали, что иранская революция совершилась именно благодаря мобилизации миллионов иранцев против Америки, отождествленной с сатаной, и против шаха, который считался «тираном, рожденным дьяволом».

Антиамериканская направленность революции проявилась с самого начала революционного движения в Иране. Многочисленные свидетельства этому мы можем найти в документах из американского посольства, опубликованных в 1979 – 1981 гг. после того, как здание посольства было захвачено «студентами-мусульманами – последователями курса имама». Так, например, консул США в Ширазе В.Томсет сообщал 12 сентября 1978 года, что имело место «резкое усиление антиамериканских настроений, тесно связанное с недовольством существующим режимом». Согласно его донесениям, выражение антиамериканских настроений в этот период имело достаточно неопределенный характер: «У нас нет ничего конкретного против вас, – говорили иранцы, – но мы не любим американцев вообще потому, что они сохраняют шаха у власти, американским оружием убивают наших детей, американцы не уважают ислам, из-за них имеет место инфляция»[4]. Впоследствии антиамериканские лозунги

стали более четкими и из области риторики перешли в область конкретных действий.

Неприятие США не являлось чем-то второстепенным в мировоззрении Хомейни. Его уверенность в том, что рабское подчинение США и сотрудничество с Вашингтоном были основными чертами шахского режима, определила во многом антиамериканскую направленность революции. Еще находясь в Париже, аятолла неоднократно подчеркивал свои антиамериканские настроения. Например, 2 декабря 1978 года он объявил, что когда его сторонники возьмут власть в Иране, то поставки нефти Израилю будут остановлены, а военные связи с США прекращены[5]. 17 января 1979 года Хомейни заявил, что те отношения, которые шах поддерживал с США, будут полностью ликвидированы, поскольку они противоречат национальным интересам Ирана[6]. А 18 января 1979 года Хомейни отказался от призыва президента Д.Картера поддержать правительство Бахтиара и заявил, что великие державы должны категорически устраниться от вмешательства во внутренние дела Ирана[7].

Политика США в период развития революционного движения в Иране определялась в основном стремлением не выпускать страну из-под своего контроля. В книге «Иран – США. История в документах», изданной в начале 80-х годов, подчеркивается, что в конце 70-х годов, пока силы революции консолидировались, отношения между Ираном и США оставались неизменными – близкими и сердечными. Иран вместе с Саудовской Аравией являлся опорой Америки на побережье Персидского залива, а Соединенные Штаты Америки продолжали заботиться о его экономическом прогрессе[8]. Представляется, что эти отношения были значительно более сложными и далеко не всегда выдерживались в столь радужных тонах.

В первую очередь стратегия американского правительства была направлена на сохранение шахского режима, служившего гарантом интересов США. С этой целью Вашингтон предпринял ряд политических шагов. В июле 1978 года в Иран прибыл заместитель государственного секретаря

Д.Ньюсом, который заверил шаха, что США высоко ценят его усилия по поддержанию порядка в Иране[9]. В сентябре того же года американский и английский послы в Тегеране от имени своих правительств неоднократно заверяли шаха в полной поддержке его действий[10]. 27 ноября лидер большинства в Сенате сенатор Ричард Берд после своей встречи с шахом объявил о том, что его правительство не собирается вмешиваться в дела Ирана и будет строго следить за тем, чтобы другие страны также воздерживались от подобного вмешательства. Визит сенатора рассматривался американскими обозревателями как новое подтверждение симпатий Вашингтона к шаху. 30 ноября президент Д.Картер вновь заявил о своем доверии к шаху и повторил, что США не собираются вмешиваться во внутренние дела Ирана[11].

Когда же свержение монархии в Иране оказалось неизбежным, американская администрация сконцентрировала усилия на сохранении Ирана в орбите своей политики, независимо от судьбы шаха, путем приспособления к ситуации и поисков контактов с оппозиционно настроенными ему силами. Вопрос о том, когда же это произошло, весьма спорен. Противоречивость информации во многом объясняется тем, что после революции и, в особенности, после кризисной ситуации, сложившейся в связи с захватом американских заложников, различные ведомства и отдельные политики стали снимать с себя вину за поворот в американо-иранских отношениях.

Делая акцент на вине спецслужб, американский иранист Б.Рубин пишет, что «оценки Национальной разведки, отчеты Государственного департамента, Центрального разведывательного управления, военной разведки – все отрицали возможность внутреннего переворота в Иране»[12]. Многие из американских историков объясняли это тем, что потребители информации не были заинтересованы в получении сведений, противоречащих их взглядам. Сейчас трудно об этом судить потому, что ряд работ, опубликованных после революции, носит весьма тенденциозный характер. Представляется возможным сказать следующее. В американской прес-

се в середине 1978 года ситуация в Иране оценивалась достаточно оптимистично. Например, У.Барайн в статье «Шах держит все под контролем, несмотря на новую волну протеста» писал: «Большинство дипломатических обозревателей придерживаются той точки зрения, что шах имеет более, чем необходимо, ресурсов для устранения любой угрозы его режиму»[13]. Аналогичную точку зрения высказывали и другие публицисты. При этом в основной массе они давали довольно поверхностное изложение причин выступления иранской оппозиции, сводя их к недовольству существованием винных магазинов, «неисламских фильмов» и неудачным результатам земельной реформы. «Неспособность понять многоплановый характер иранской оппозиции шаху, увидеть глубокие корни революции, – считает Б.Рубин, – привели к тому, что для американских читателей осталась неясной вся широта революционных событий»[14].

Необходимо отметить, что многие американские иранисты были также достаточно далеки от прогнозирования революционных событий в Иране. Характерно в этом отношении мнение У.Гриффита, высказанное им в 1978 году относительно будущего развития американо-иранских отношений. Он утверждал, что на десятилетия вперед, а может быть и дольше, перед иранскими лидерами будет стоять двойная угроза – нарастание военного и идеологического влияния СССР и нежелание США распространять свою военную силу за пределы страны. При этом никаких соображений относительно возможности коренного изменения американо-иранских отношений им не высказывалось[15]. Конечно же, не все ученые строили одинаковые прогнозы. Например, в марте 1978 года на совещании в Государственном департаменте профессор Техасского университета Дж.Билл представил доклад, который назывался «Монархия перед крахом». В нем прогнозировалось, что оппозиция шаху будет принимать все более широкий характер и ее действия станут гораздо более решительными. В заключение Дж.Билл писал: «Если подобные вещи происходят в Иране, то значит, что шах потерял силу воли и лишен способности

использовать традиционную тактику политического маневрирования. Если он не предпримет что-либо решительное, то следующие акты политической драмы в Иране будут весьма трагическими и будущее для США ни в коем случае не выглядит благоприятным»[16].

Несмотря на то, что У.Салливен (посол США в Тегеране с июня 1977 г. по апрель 1979 г.) после революции неоднократно подчеркивал, что американское посольство в Иране в своих докладных передавало сложную и негативную природу этой революции и объясняло, что ориентация, которую выберет Иран после революции, непредсказуема[17], сведения, поступавшие из посольства в Государственный департамент, были крайне противоречивы. Вот достаточно типичная оценка ситуации в стране за октябрь: «Иранские лидеры, за исключением крайне левых и террористических элементов, разделяют геополитическое понимание Ирана. Они видят, что Иран окружен в основном недружественными государствами и главное – находится в непосредственной близости от сверхдержавы России, которая в течение длительного времени угнетала его, угрожала его внутренней стабильности и подрывала его региональное влияние. В результате этого восприятия и широких связей, которые Иран постоянно развивал с Соединенными Штатами Америки, никакой резкой переориентации иранской политики в отношении сверхдержав в период до середины 1980 года не наступит»[18]. По мнению У.Салливена, 22 октября 1978 года «иранский кризис прошел через свою пиковую точку, и открылись конструктивные пути для его решения». Зачастую же одни и те же лица в течение одной и той же недели посылали прямо противоположные оценки. Так, консул в Ширазе В.Томсет 18 сентября 1978 года писал, что велика вероятность смещения шаха в ближайшую декаду путем политического переворота или в результате движения широких масс населения. А 23 сентября он же сообщал, что в данной ситуации, несмотря на отсутствие поддержки своему правительству, неизбежно шах остается окончательным арбитром иранского политического будущего[19].

Такая противоречивая информация, поступавшая в Государственный департамент и другие инстанции, ответственные за принятие внешнеполитических решений, приводила к тому, что в рядах американских политических деятелей не было единого мнения относительно иранской политики. Особенно ярко это проявилось во время обсуждения очередного прогноза ситуации в Иране в сентябре 1978 года, который готовился под руководством ЦРУ. Во время обсуждения мнения разделились. Военная разведка и ЦРУ весьма оптимистично оценивали возможности шаха, а представители Государственного департамента не соглашались с ним. В результате возникших разногласий составление документа было отложено.

Некоторые исследователи считают, что информация, противоречащая сложившимся в американской политике стереотипам, зачастую не доходила до потребителей, а если и попадала, то на нее не обращали достаточного внимания, поскольку она требовала определенного пересмотра американского курса в отношении Ирана[20]. Представляется, что с этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку в высшей американской администрации не существовало единства относительно конкретных форм и методов проведения политики в Иране. С одной стороны, такие представители американской администрации, как З.Бжезинский и Д.Шлессинджер, тесно связанные с крупным бизнесом, стремились независимо от ситуации поддержать шаха и приветствовали применение шахом жестких репрессивных мер против революции. Это объяснялось их опасениями перед изменениями во внешнеполитическом курсе Ирана в его военной и экономической политике. Так, по мнению У.Салливена, к ноябрю 1978 года З.Бжезинский стал осуществлять свою собственную политику в Иране, проводником которой стал А.Захеди, посол Ирана в Вашингтоне, возвратившийся в Тегеран с исключительным заданием заставить шаха подавить революцию.

Другая группа, к которой принадлежали С.Вэнс и Д.Ньюсом, считала более целесообразным налаживание

контактов с оппозиционно настроенными шаху силами с целью приспособления к меняющейся ситуации. У.Салливен подчеркивает, что З.Бжезинский постоянно давал указания А.Захеди заставить шаха применить силу, а когда шах обращался к нему, то он только мог показать телеграммы, в которых содержались рекомендации шаху прийти к соглашению с оппозицией. Эти разногласия, пишет далее У.Салливен, в восприятии событий в Иране у различных представителей вашингтонской администрации распространялись на суть инструкций, которые посылались в посольство, а зачастую в отсутствии каких-либо инструкций, потому что представители администрации не могли прийти к единому мнению. «В этой пагубной обстановке формулировка политики США оказалась несостоятельной», – делает заключение бывший посол в Тегеране[21].

Начиная с октября – ноября 1978 года, по мере получения информации о развитии революционного движения в Иране, администрация США фактически разуверилась в возможности сохранения монархии в этой стране и сконцентрировала свои усилия на приспособлении к меняющейся ситуации в поисках контактов с представителями оппозиционных сил. В этой связи американский консул в Ширазе высказывал свое мнение, характерное, очевидно, для целого ряда работников американской дипломатической службы: «В настоящий момент мы должны приспособиться к создавшейся ситуации, независимо от того, справится с ней шах или нет. У нас должно быть твердое понимание того, что приспособление к внутренней ситуации в Иране сейчас имеет гораздо большее значение, чем любой вред, который мы можем нанести шаху или нашим с ним отношениям... При этом, учитывая, что наша идентификация с шахом чрезвычайно велика, необходимо отказаться от таких ее публичных проявлений, как продажа оружия и какие-либо заявления в пользу шаха. Надо отказаться, не доводя до того предела, когда может показаться, что мы просто бросаем шаха»[22]. 27 ноября газета «Вашингтон пост» сообщала, что в русле этой политики американское правительство начало

секретные контакты с иранскими оппозиционными силами. Сообщения об этих контактах можно найти и у российских авторов, которые подчеркивают, что именно в этот период начинаются американо-иранские переговоры с окружением Хомейни и попытки найти общий язык с иранскими религиозными лидерами на почве антикоммунизма[23]. Помимо этого в конце 1978 года создается специальный комитет под председательством Дж.Бола для изучения предпосылок развития отношений с Ираном и странами Персидского залива в свете наступившего кризиса. Американский иранист Б.Рубин так прокомментировал это событие: «Возможно, слишком поздно и слишком нерешительно США стали пытаться найти какую-либо альтернативу шаху, дистанцироваться от него»[24].

Представляется, что в этот период США, разуверившись в возможностях сохранения монархии в Иране, не исключали перспектив установления буржуазной республики в стране. Вполне вероятно, что по своему социальному содержанию эта форма государственного устройства не противоречила интересам американской администрации, а может быть, и даже больше устраивала ее. «Несмотря на то, что США не желали прихода Хомейни к власти, часто выражались надежды на то, что политические процессы приведут к власти умеренных лидеров», – пишет Б.Рубин[25]. Эта же мысль находила свое выражение и в выступлениях президента Дж.Картера, который неоднократно подчеркивал, что народ Ирана должен самостоятельно, без всякого влияния извне решать свое будущее, и в активных контактах американских политических деятелей с представителями оппозиционно настроенных либерально-буржуазных группировок. Особенно тесными были контакты с К.Санджаби и Ш.Бахтиаром.

При установлении контактов с представителями как умеренной оппозиции, так и религиозными деятелями Ирана немаловажное значение имело то, что в Вашингтоне достаточно высоко ценили антикоммунистические настроения у иранских лидеров. По оценке известного американского

ираниста Р.Котэма, политика Государственного департамента в начале 1979 года должна была состоять в признании Хомейни «как полезной антикоммунистической силы». А по сообщениям американских дипломатов, лидеры умеренной оппозиции заверили их в том, что «они не имеют никаких серьезных расхождений с позицией правительства США и хотят лишь, чтобы мы прекратили поддерживать шаха. При этом они постоянно подчеркивают необходимость для Ирана сильного защитника в лице США от "постоянной советской угрозы"»[26]. А по рекомендации У.Салливена, «интересы национальной безопасности США диктовали необходимость срочной выработки модуса вивенди между военными и Хомейни с тем, чтобы противостоять партии ТУДЕ и другим левым силам»[27]. При этом еще до свержения монархии шаха между американским правительством в лице Д.Картера и аятоллой Хомейни состоялся обмен заверениями, что Хомейни не допустит прихода к власти в Иране коммунистов[28].

Поиски контактов с оппозицией вылились в то, что 4 января 1979 года представитель Белого дома заявил, что правительство США не имеет ни малейшего желания влиять на решение шаха оставаться ему в Иране или нет, а 22 января 1979 года, накануне приезда Хомейни в Тегеран, его посетил министр юстиции США Р.Кларк, после чего, 16 февраля, США сделали заявление, что будут поддерживать дипломатические отношения с новым иранским правительством, означавшее его формальное признание.

В целом можно сказать, что политика Д.Картера в Иране в период назревания революции была политикой приспособления к ситуации в стране. Представляется, что на выбор такого направления оказала влияние переоценка воздействия геополитического фактора на ориентацию Ирана. Предполагалось, что независимо от того, какое правительство или какая политическая группировка будет находиться у власти, внешнеполитическая ориентация Ирана останется неизменной. Достаточно характерен в этом отношении документ из американского посольства с оценкой положения в

Иране в октябре 1978 года. «Близкие связи шаха с США являются результатом той поддержки, которую Америка оказала ему в первые годы его правления, и вытекают из соображений безопасности перед лицом советской угрозы. На этих основаниях была построена система отношений, которая предусматривала больше, чем продажа военного оборудования или же членство в СЕНТО. Большая часть технологий, товаров потребления (к примеру, значительная часть продовольственных товаров) шла из развитых стран Запада, в основном из США. Несмотря на то, что многочисленная гражданская оппозиция в Иране выступает за несколько более сбалансированную внешнюю политику, основополагающий характер этих отношений, скорее всего, удержит всех, за исключением крайне левых, от привнесения радикальных изменений в американо-иранские отношения»[29].

В основном этот подход к сложившимся взаимовыгодным отношениям является правильным, поскольку он обусловлен наличием теснейших экономических связей Ирана с США и зависимостью Ирана от западных технологий в целом. Однако в нем крылась недооценка влияния идеологического компонента в иранской революции и недооценка влияния аятоллы Хомейни, антиамериканские высказывания которого воспринимались Вашингтоном как чистая риторика.

В русле этой политики администрация Д.Картера достаточно быстро согласилась с отъездом шаха и не предпринимала никаких попыток изменить события, которые привели к его свержению. После отъезда шаха основной задачей Белого дома было установить modus vivendi с иранскими властями.

---

[1] US – Iran. A Documentary History. N.-Y., 1981, c.375.

[2] F.Holliday. Dictatorship and Development. L., 1979, c.254-255.

[3] E.Rouleau. Khomeini Iran. Foreign Affairs. Fall 1980, c.5.

[4] Documents from the US Espionage Dep. (12) US Intervention in Iran (3). Muslim Students Following the line of Imam, c.49.

[5] B.Rubin. Paved with Good Intentions. N.-Y., 1981, c.367.

[6] Известия. 17.01.1979.

[7] B.Rubin. Paved..., c.368.

[8] US – Iran. A Documentary..., c.435.

[9] Кременюк В.А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. М., 1984, с.86.

[10] B.Rubin. Paved..., c.367.

[11] Иранская революция. М., 1989, с.143.

[12] B.Rubin. Paved..., c.169.

[13] Washington Post. 02.04.1978. B.Pubin. Paved..., c.316.

[14] B.Rubin. Paved..., c.207.

[15] Documents from Espionage Department..., c.120.

[16] International Security 1978/79. Winter, v.3, №3, c.179-192.

[17] W.Sullivan. Dateline Iran. The Road not Taken. Foreign Policy. Fall 1980, №40.

[18] Documents from Espionage Department..., c.120.

[19] Ibid., c.77, 140.

[20] Бининашвили А.М. Иран во внешнеполитической стратегии США. М., 1984. Рукопись кандидатской диссертации.

[21] W.Sullivan. Dateline Iran..., c.178.

[22] Documents from Espionage Department..., c.140.

[23] Кременюк В.А. Борьба Вашингтона..., с.90, 91.

[24] B.Rubin. Paved..., c.260.

[25] Ibid., c.260.

[26] Documents from Espionage Department..., c.140.

[27] Арабаджян А.З. Две революции в Иране (1905-1911 и 1978-1979) и шиитское духовенство. Выступление на Международной конференции «Исламская революция: прошлое, настоящее, будущее». Москва, 1999.

[28] Documents from Espionage Department..., c.140.

[29] B.Rubin. Paved..., c.367-370.

ГЛАВА II

Соединенные Штаты Америки и иранская революция 1978 – 1979 гг.

Иранская революция 1978-1979 гг., проходившая не только под антимонархическими, но и под антиимпериалистическими лозунгами, коренным образом изменила сложившуюся после второй мировой войны систему отношений между Ираном и Соединенными Штатами Америки. В этой связи Алан З.Рубинштейн, профессор университета в штате Пенсильвания, отмечает: «США и Иран переживают беспокойное время. Некогда – союзники, теперь – враги. Партнерство, сформировавшееся в 1970-х годах для обеспечения взаимных интересов в регионе Персидского залива, трагически разрушилось. Иран – некогда опора влияния США на Среднем Востоке – стал горькой дилеммой. США – некогда гарант независимости Ирана против алчного экспансионистского влияния СССР – превратились в сатанинскую угрозу революции, которую совершил аятолла Хомейни»[1].

Однако и после революции, представ в своей полной противоположности, отношения с Соединенными Штатами Америки продолжали оставаться центральным аспектом внешней политики Исламской Республики Иран, от которого зависели многие другие направления внешнеполитической деятельности руководства страны, в частности в области отношений с Европой. При этом политика Ирана в отношении США в послереволюционный период оказалась теснейшим образом связанной с внутриполитической деятельностью правящих кругов Ирана, расстановкой классовых сил в стране, политической борьбой внутри сложившегося в Иране исламского режима и различных групп внутри самих религиозных кругов, связанных в конечном итоге с теми или иными слоями буржуазии (торговой, промышленной, бюрократической).

Внешняя политика государства определялась прежде всего волей Хомейни и религиозно-политических деятелей из его окружения. Ее основной принцип, провозглашенный руководителями страны, – освобождение Ирана из-под влияния сверхдержав. Очевидно, они усматривали в этом необходимое условие для строительства государства по «исламскому образцу» и залог сохранения власти шиитского духовенства. «Единственный способ освободить Иран – вывести его из-под влияния сверхдержав». «США – голова империалистической змеи, опутавшей Иран», – вот характерные заявления имама Хомейни.

При этом лидер исламской революции, начиная с 1979 года, во время резкого размежевания классовых и политических сил в стране, во время непрекращающейся ожесточенной борьбы за власть между различными общественными группировками, широко использовал развернутые антиамериканские кампании для упрочения позиций религиозных лидеров в государственном аппарате.

В первые же дни после свержения шаха антиамериканские призывы религиозных лидеров Ирана нашли свое конкретное воплощение. На переговорах в Тегеране с представителем Пентагона Э. фон Марбодом иранская сторона расторгла контракты на общую сумму около 12 млрд. долл. Она отказалась от американских истребителей F-16, от помощи американских специалистов в сооружении военной базы Чахбахар в Оманском заливе[2]. А 14 февраля 1979 года экстремистские (американские исследователи этого периода называли их «марксистскими») группировки захватили посольство США в Тегеране, ранили морского пехотинца и продержали около сотни американцев, включая посла США в Иране У. Салливена, заложниками около двух часов, пока силы, приверженные аятолле Хомейни, не освободили их.

21 февраля 1979 года Иран объявил, что он запрещает США пользоваться разведывательными установками электронного слежения в северном Иране[3]. Эти и ряд других акций привели к тому, что 25 февраля 1979 года американское посольство в Тегеране объявило, что оно больше не в состо-

нии защищать жизнь американцев в Иране и настоятельно рекомендует всем американским гражданам, не имеющим дипломатического статуса, покинуть страну[4]. В этом же месяце из Ирана были эвакуированы почти все американские специалисты. Военно-транспортные самолеты, дислоцированные в Греции, в течение нескольких дней вывезли их из страны. 22 февраля начальник штаба иранских вооруженных сил заявил, что в иранской армии нет больше ни одного американского специалиста. В этом же месяце серьезной антиамериканской акцией стало решение о выходе Ирана из СЕНТО, после чего, в марте 1979 года, этот блок фактически распался[5].

В марте – апреле антиамериканские настроения продолжали нарастать. 10 марта правительство Ирана заявило об аннулировании ряда контрактов на покупку оружия. 18 апреля иранская сторона аннулировала американо-иранское соглашение 1955 года, предоставлявшее ряд привилегий американским предпринимателям, а также соглашение о военном сотрудничестве с США 1959 года. Обратимся еще раз к документам из американского посольства и посмотрим, как сами американцы оценивали эти процессы. «В течение последних недель (имеется в виду апрель 1979 года. – И.Ф.) антиамериканский синдром становится все более очевидным как в прессе, так и в политических заявлениях. Корнем его является антизападная паранойя Хомейни, подогреваемая ООП, федаями и другими. Значительное усиление антиамериканизма имеет место с апреля и особенно чувствуется в последние дни... Антиамериканские действия, с одной стороны, вытекают прямо из идеологии исламской революции и личных убеждений Хомейни и некоторых его близких сподвижников и подогреваются различными левыми группировками: федаями и ООП – с другой. Их явное проявление – нарастающий антиамериканизм в иранских средствах массовой информации. В телевизионных передачах широко используются материалы из СССР и других стран этого блока, а также признания, сделанные на последних судебных процессах различными лицами, которые обнародовали

свои связи с ЦРУ и генералом Хайзером. Например, генералы Рабаи и Бареньян рассказали о шпионской миссии Хайзера в своих признаниях. Нелицеприятные сообщения об этих допросах появились по телевидению и в прессе»[6]. По сообщениям из другого источника ясно, что, выступая перед стражами революции в Куме 16 апреля 1979 года, Хомейни призвал отрубить руки американцам, которые выполняют поручения дьявола. «Причем, – подчеркивает автор документа, – те, кто близко сталкивается с Хомейни, отмечают его паранойю в отношении США, которые он обвиняет во всех бедах шахского периода. Из всех его публичных выступлений вытекает, что он хочет выкорчевать какие-либо признаки влияния США в Иране. Широко используются допросы свидетелей в исламском суде, описывающие связи с западными империалистами, связи между ЦРУ и предшествующим режимом, которые могут быть использованы, чтобы обвинить США. В университетских кругах некоторых ученых, получивших образование на Западе, выставляют на улицу, обвинив в связях с американцами или в помощи им (теперь это стало преступлением или, по крайней мере, черным пятном)»[7].

Американские обозреватели отмечали, что в этот период основная часть риторики нового режима была направлена против США. СССР, Великобритания и Израиль также в какой-то степени склонялись на страницах иранских газет, однако их доля вины за невзгоды Ирана по сравнению с США была меньше. «Шах был полностью под влиянием США, и они должны нести основную долю вины за это», – вот основной вывод, который делали многие средства массовой информации Ирана.

В этой связи небезынтересно отметить, что в ряде аналитических материалов американского посольства высказывалось мнение, что иранская интеллигенция считала в этот период, что США решили поддержать Хомейни как лучшую преграду против коммунизма. По мнению американских дипломатов, в зависимости от взглядов иранские интеллектуалы разделились в этот период на две группы. К первой

относились те, кто считал необходимым вместе со сверхдержавами предпринять действия, направленные на стабилизацию положения в Иране. Ко второй – те, кто считал целесообразным усиленно работать, чтобы выкорчевать западные ценности и следы американского империализма. Причем для обеих групп было характерно абсолютизирование возможностей США в регионе и их влияния на судьбу Ирана.

Симптоматично, что временное революционное правительство было достаточно быстро признано США. Во многом это объяснялось тем, что его глава М.Базарган, умеренный в своих религиозных взглядах либеральный политик, получил образование на Западе и был хорошей альтернативой более радикальным мусульманским деятелям. Еще до революции, представляя «Движение за свободу Ирана» (ДСИ)*, он призывал отделить борьбу против шахского режима от борьбы против США. Среди тех, кто видел в США своеобразный залог стабильного развития Ирана, можно назвать С.Готбзаде и Дж.Амира Энтезама, Н.Мешахи и К.Лахиджи – крупных политических деятелей этого правительства. Частичный контроль либеральных элементов над временным правительством помешал резкому разрыву экономических связей между Ираном и США. Представляется, что в это время можно говорить о стремлении иранского руководства не ликвидировать связи с США, а сделать их более выгодными для Ирана. А.Банисадр, тогда член Исламского революционного совета, полагал, что многие члены иранской политической элиты были настроены к США вполне доброжелательно, стремясь строить отношения с Америкой на равных, а не с зависимых позиций. А министр иностранных дел временного революционного правительства и один из лидеров ДСП** И.Язди, в свою очередь, подчеркивал, что ирано-американские отношения всегда были дружественными, доброжелательными и взаимовыгодными. При этом он не

* Партия «Нехзат-е азади-е Иран».

** Сейчас лидер «Нехзат-е азади».

видел причин для изменения этой тенденции в дальнейшем. И наконец, сам М.Базарган не отрицал возможности коммерческих связей между Ираном и США в будущем, с «наступлением эры равноправных отношений». Генерал В.Гарахани, находившийся в то время во главе вооруженных сил, в августе 1979 года выразил желание продолжать покупку запасных частей к военной технике. В соответствии с этим США возобновили экспорт на 300 млн. долл. запасных частей к бомбардировщикам F-4 и F-5. Помимо этого они пришли к соглашению выкупить у Ирана на 365 млн. долл. уже проданного военного оборудования.

Однако восстановление сотрудничества с США, пусть и в несколько иной форме, чем при шахском режиме, привело бы к созданию предпосылок для укрепления в стране позиций либерально настроенной буржуазии, что, в свою очередь, грозило ослабить власть духовенства и, естественно, вызывало его противодействие. Прокатывающийся волнами антиамериканизм в это время был теснейшим образом связан с борьбой духовенства за власть. Сам же аятолла Хомейни и его группировка широко использовали развернутые антиамериканские кампании для упрочения своих позиций в государственном аппарате. Антиамериканские выступления сопровождались и антиамериканскими действиями. 18 апреля заместитель премьер-министра А.Энтезам официально подтвердил, что Иран аннулировал договор о дружбе с США от 1955 года. 15 сентября 1979 года радио Тегерана передало сообщение об отмене закона 1947 года, который разрешал присутствие в Иране военной миссии США. 1 ноября канцелярия Хомейни в Куме выпустила заявление, подбадривающее студентов «расширить атаки против США», чтобы заставить американское правительство возвратить свергнутого шаха. 3 ноября 1979 года иранское министерство иностранных дел формально опротестовало решение США разрешить шаху въезд в Америку и потребовало запретить американским врачам осмотреть шаха. 4 ноября в основном силами группировки «иранские студенты-мусульмане – последователи курса имама Хомейни» амери-

канское посольство было захвачено и примерно сто сотрудников посольства стали их заложниками.

Захват заложников произошел как раз в тот момент, когда позиции традиционного мусульманского духовенства в Иране были не очень прочными. В стране происходило обсуждение проекта основного закона Исламской Республики Иран, и многие представители либеральной буржуазии и духовенства высказывали недовольство тем, что верховная власть в стране сосредотачивалась в руках одного лица – имама. Усилились выступления оппозиции и национальных меньшинств. В этих условиях захват заложников получил одобрение Хомейни и его сторонников и был использован ими для упрочения своего влияния в стране.

Этот акт, несмотря на безусловное нарушение международных правовых норм, стал в глазах иранского народа символом победы над американской сверхдержавой. Он отвлекал массы от оставшихся нерешенными внутриполитических и экономических проблем, послужил фактором сплочения народа вокруг традиционного духовенства. Базарган выразил недовольство этим актом и подал в отставку. Со своей стороны, Хомейни, воспользовавшись фактом встречи М.Базаргана с помощником государственного секретаря З.Бжезинским в Алжире, обвинил правительство в проведении проамериканской политики и принял 6 ноября отставку М. Базаргана. Позиции сторонников Хомейни в государственном аппарате укрепились.

Значение, которое придавалось исламским руководством захвату заложников, видно из уверенности Хади Модаресса, близкого к Хомейни религиозного деятеля, в том, что даже друзья Ирана не понимали, что намерение захватить посольство было продиктовано желанием помочь начать борьбу против внутренних контрреволюционных сил. Со ссылками на документы, захваченные в американском посольстве в Тегеране, в иранской прессе были скомпрометированы многие противники Хомейни.

Этой акции суждено было стать поворотным моментом в американо-иранских отношениях. Американские истори-

ки подчеркивали, что захват американского посольства в самой наглядной форме донес до всех американцев весть о том, что должно произойти радикальное изменение американо-иранских отношений и что новые связи между двумя странами не будут похожи ни на какие другие в истории Америки. Если до этого события администрация Д.Картера в целом преследовала политику приспособления к изменившейся ситуации в Иране, то после «резкого пробуждения» американской администрации политика коренным образом изменилась.

Реакция американского правительства на это коренное изменение ситуации, получившая название «кризисного реагирования», представляла собой комплекс политических, экономических, военных мероприятий, основной задачей которых, по словам государственного секретаря США Э.Маски, было добиться экономической и дипломатической изоляции Ирана на международной арене. Вашингтон прекратил закупки иранской нефти, заморозил иранские авуары в американских банках, стал наращивать свои военно-морские силы в Индийском океане и Персидском заливе, провел десантную операцию по спасению заложников, которая закончилась катастрофой в пустыне Табас, разорвал дипломатические отношения с Ираном. Помимо этого он ввел эмбарго на торговлю с Ираном, и под его давлением страны-члены ЕЭС 22 мая 1980 года ввели экономические санкции против Ирана, не распространившиеся, однако, на обязательства по соглашениям, подписанным ранее захвата заложников.

В конце 1979 года и в 1980 году вопрос о заложниках стал определяющим в американо-иранских отношениях. При этом в руководстве ИРИ прослеживались серьезные разногласия по поводу возможных путей его решения. Эти вопросы достаточно фундаментально освещены в работах С.Агаева «Рождение республики» (М., 1980), «Иранская революция, США и международная безопасность» (М., 1984), поэтому мы не будем останавливаться на них подробно, отметив лишь следующее. Представители либеральной бур-

жуазии, в частности С.Готбзаде, считали, что этот вопрос необходимо решить как можно скорее. В интервью журналу «Тайм» С.Готбзаде, например, заявил: «Новое правительство (имеется в виду правительство Раджаи. – И.Ф.) не будет иметь успеха, если оно достаточно быстро не решит вопроса о заложниках»[8]. А.Банисадр, который в это время баллотировался на пост президента ИРИ, придерживался подобной точки зрения. Он неоднократно говорил, что, «если бы удалось решить проблему заложников, Иран мог бы извлечь из этого большие выгоды, как-то: обеспечить себя необходимым оборудованием и товарами из-за границы». Во время своей предвыборной кампании и впоследствии он подчеркивал, что считает необходимым решение вопроса о заложниках для нормализации отношений с Западом, и объявлял о намерении провести во всех областях жизни мероприятия, направленные на укрепление светских учреждений в Иране. Аятолла Хомейни, который хотя и призывал народ и все политические организации сразу же после избрания А.Банисадра президентом поддержать его политику, в то же время препятствовал освобождению заложников. Во многом на волне антиамериканских настроений Партия исламской республики (партия радикальных исламистов – последователей Хомейни) сумела получить большинство в парламенте и укрепить свои позиции в правительстве.

Только в январе 1981 года американские заложники вернулись на родину. С их освобождением процесс обострения ирано-американских отношений, безусловно, прекратился. Однако, несмотря на шумную кампанию восторга в иранской прессе по поводу «новой победы ислама» и «полной капитуляции американской сверхдержавы», эта так называемая победа была достигнута ценой важных уступок иранской стороны. 19 января в Алжире между представителями США и Исламской Республики Иран было заключено соглашение об условиях их освобождения. По этому соглашению Соединенные Штаты Америки отказывались от вмешательства во внутренние дела Ирана и соглашались оказать помощь (правда, весьма туманную) в обнаружении и возвра-

щении шахских богатств. Если до Алжирского соглашения иранское правительство требовало, чтобы США отказались от всех финансовых претензий к Ирану, то в результате достигнутой договоренности Иран признавал кредиты, предоставленные ему Вашингтоном, займы, а также долги по ним. На эти и другие уступки иранское правительство пошло, судя по всему, ввиду существенного экономического ущерба, который претерпела страна от разрушений нефтяной промышленности во время войны с Ираком и санкций, введенных США в 1980 году. То, что у Ирана появилась настоятельная необходимость в нормализации отношений с западными странами для получения новых займов и кредитов, во многом определило судьбу заложников.

В этой связи небезынтересно отметить, что, по некоторым сообщениям, вопрос освобождения американских заложников в Тегеране был весьма тесно связан с предвыборной кампанией президента Р.Рейгана в 1980 году. Согласно этим сведениям, к лицам, проводившим предвыборную кампанию президента Р.Рейгана, обратилась группа иранских посредников, предложивших сделку освобождения заложников в обмен на поставки оружия в Иран. На слушаниях в Конгрессе США по делу «Иран-контрас» эти соображения были отвергнуты и в окончательном документе подчеркивалось, что не нашлось никаких достоверных свидетельств тому, что подобные переговоры имели место и что соглашения о том, чтобы отпустить заложников после выборов президента Р.Рейгана или о том, чтобы обменять их на оружие, были достигнуты. Однако этим данным противоречат факты, высказанные в интервью А.Банисадра журналу «Экспресс» от 17 февраля 1989 года. «У меня имелись доказательства, - говорит А. Банисадр, - что с весны 1980 года поддерживались тайные контакты между Хомейни и сторонниками Р.Рейгана с целью предотвращения освобождения заложников до американских выборов в ноябре 1980 года, чтобы не создавать обстановку, благоприятную для президента Д.Картера. Это привело к тому, что за несколько недель до выборов в Париже в отеле “Крейон” было заключе-

но соглашение между эмиссарами иранских религиозных деятелей и Дж.Бушем, который в то время был кандидатом на пост вице-президента США, и У.Кейси, будущим директором ЦРУ». «Не случайно, - подчеркивает А.Банисадр, - Хашеми Рафсанджани и Мохсен Резаи, проводившие эти переговоры, получили важные посты в иранском правительстве и впоследствии оказались замешанными в деле "Иран-контрас"». Эти свидетельства представляются весьма спорными. Однако мы не можем полностью отвергать подобные данные, поскольку модель данной сделки соответствует той, которая была позднее использована в 1986–1987 гг. в американо-иранских отношениях.

Оценка эпизода захвата заложников в американском посольстве «студентами-мусульманами – последователями курса имама Хомейни» во главе с ходжат-оль-эсламом Хоэйниха в американской исторической литературе весьма единодушна. В этом смысле достаточно типичной является статья Р.Рамазани, озаглавленная им «Кто потерял Америку?», появившаяся в печати уже после освобождения заложников. Р.Рамазани рассматривает этот эпизод в контексте борьбы за власть в Исламской Республике Иран. Он считает, что американские обозреватели, которые утверждают, что революционный режим в Иране не смог достигнуть выгодного решения вопроса о заложниках, не видят более широкого смысла иранского политического поведения. «Действительно, - пишет он, - революционный режим не смог заставить Америку вернуть шаха, но ведь это и не было основной задачей студентов и стоящих за ними группировок при захвате посольства». По мнению названного автора, студенты и те, кто их направлял, боялись, что правительство Базаргана и другие либеральные круги, «уже готовые нормализовать отношения с Западом, будут угрожать победному маршу мусульманских экстремистов в установлении их полного контроля» (очевидно, имеется в виду установление контроля над властью в ИРИ. – И.Ф.)[9]. Мы можем согласиться с мнением этого автора о том, что разрыв отношений между Ираном и США в результате захвата заложников

обеспечил радикализацию иранского политического процесса в пользу мусульманского духовенства.

Представляется, что захват американских заложников можно рассматривать и как один из примеров традиционного для Ирана метода, даже модели внешней политики, когда иностранное государство используется внутренними силами в борьбе за власть. В этом проявляется и своеобразная преемственность во внешней политике руководства Исламской Республики и шахского Ирана. Если шахский режим всячески рекламировал дружбу с Соединенными Штатами Америки и особые отношения с этой страной для укрепления своих позиций, то Хомейни и его группировка эксплуатировали в этих же целях чувство ненависти к США. В этой связи Р.Рамазани отмечал, что «революционный режим не смог избавиться от старой иранской привычки использовать внешнюю политику для решения внутренних проблем. Иранские революционные лидеры заявляют, что они уничтожили иранскую зависимость от США. Их лозунг "Нет – Западу, нет – Востоку", сопровождаемый постоянными причитаниями о том, что Иран может полагаться только на свои собственные силы... на практике оборачивается внешней и внутренней "охотой на ведьм" в непрекращающейся и всеразрушающей борьбе за власть... Рука "великого сатаны" (имеются в виду США. – И.Ф.) вылезает при каждом удобном случае и стоит за каждой внутренней и внешней угрозой режиму Хомейни»[10].

В целом представляется, что подобное поведение может иметь по ряду объективных причин лишь временный характер, поскольку эксплуатация враждебности к иностранным державам лишь помогает выиграть время для нестабильных в своей основе режимов, но, естественно, не решает реальные проблемы, стоящие перед обществом.

Этой акции (т.е. политике захвата заложников в целях получения политических, торговых и иных выгод) суждено было лечь в основу одной из ранних тенденций внешнеполитического курса ИРИ, противоречащей зачастую всем правовым и моральным нормам международных отноше-

ний, которая в начале 80-х годов противопоставила Иран цивилизованному мировому сообществу.

---

[1] R.Ramazani. US – Iran. Patterns of Influence. N.-Y., 1984, c.III.

[2] Кременюк В.А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. М., 1984, с.102.

[3] B.Rubin. Paved with Good Intentions. N.-Y., 1981, c.369.

[4] Ibid.

[5] Иранская революция. М., 1989, с.384.

[6] Documents from Espionage Department... 14(6), c.82.

[7] Ibid.

[8] Time. 1.09.80.

[9] R.Ramazani. Who Lost America. The Case of Iran.– The Middle East Journal, 1982, vol.36, №1, c.

[10] Ibid.

ГЛАВА III

Экономические отношения США и ИРИ после революции

Алжирское соглашение наметило пути нормализации американо-иранских отношений. С одной стороны, это явилось логическим следствием технической зависимости Ирана от американского оборудования и запасных частей, а также истощения его валютных запасов из-за дорогостоящей войны с Ираком *. С другой – стратегическая важность Ирана, ключевой страны в регионе Персидского залива, важнейшего поставщика нефти западным странам и одной из ведущих военных сил на Среднем Востоке, стимулировала желание США возродить с ним экономические связи.

Мы уже говорили, что в результате революции и во многом в результате кризиса с заложниками объем торговли между США и Ираном резко сократился. Особенно сократился экспорт американской продукции в Иран. В течение 1979 года он упал на 72% от предреволюционного, с 3,678 млрд. в 1978 году до 1,2 млрд. долл. в 1979 году. При этом сокращение экспорта на 75% произошло за счет экспорта средств производства и машин, и лишь на 12% сократился экспорт остальных промышленных товаров[1]. Экспорт Ирана в США в этом же году сохранялся близким к дореволюционному уровню. Он упал только на 3%, от 2,87 млрд. до 2,78 млрд. долл., из которых 2,59 млрд. долл. составлял экспорт нефти, а остальное были ненефтяные традиционные предметы иранского экспорта: ковры, фисташки, икра, кожи. Более того, ненефтяной экспорт Ирана в США даже несколько возрос[2].

Как отмечалось в докладе Объединенного экономического комитета Конгресса США в ноябре 1979 года, основное

---

* В 1980 году Ирак, воспользовавшись ослаблением Ирана после революции, попытался захватить ряд иранских территорий. Началась ирано-иракская война, которая продолжалась с 1980 по 1988 год.

влияние революции на американо-иранские отношения состояло не столько в сокращении объема торговли или же уменьшении финансовых операций между этими странами, сколько в «создании климата неопределенности» для развития каких-либо отношений[3]. Опасения Объединенного экономического комитета подтвердились после захвата американского посольства в Тегеране. Заложники находились в Тегеране 444 дня: с 4 ноября 1979 года до 19 января 1981 года, т.е. до того времени, пока в Алжире не было подписано соглашение об их освобождении. Алжирское соглашение предусматривало размораживание иранских авуаров в иранских банках на общую сумму в 7,977 млрд. долл. Эта сумма состояла из следующих вкладов: 5,5 млрд. долл. иранских депозитов в иностранных отделениях американских банков, 1,4 млрд. долл. в федеральной резервной системе США, на 940 млн. долл. иранского золота и 137 млн. долл. разнообразных авуаров (таких, как иранский военный страховой фонд и др.)[4].

По алжирскому соглашению эти авуары были помещены на счет № 2, который имел алжирский банк в английском банке[5]. С этого счета были произведены две разовые выплаты: 2,85 млрд. долл. Центральному банку Ирана и 3,7 млрд. долл. группе американских и неамериканских банков, которые давали займы шахскому режиму. В этой группе были The Bank of America, Chase Manhattan, Citicrop, Manufacturer Hanover, Morgan Guarantee Trust. Относительно выплат этих займов «The Economist» отмечал, что «банки получают 100 центов за доллар – прекрасная сделка, имея в виду, что компании "Крайслер" предлагается 15 центов за доллар»[6].

Оставшиеся 1,4 млрд. долл. из первоначальной суммы в 8,0 млрд. долл. оставались на банковском счете, и решение относительно их распределения должен был принять международный трибунал, состоящий из трех американских подданных, трех иранских подданных и трех представителей стран третьего мира. Помимо 8,0 млрд. долл. имелось еще 2,2 млрд. долл. иранских авуаров, которые сразу не могли быть перемещены. По алжирскому соглашению прави-

тельство США запретило все иски к этим счетам, приказав перевести деньги в алжирский банк. Эти 2,2 млрд. долл. распределились следующим образом: 1,2 млрд. долл. были переданы Центральному банку Ирана, образовав иранскую долю.Оставшийся 1 млрд. долл. был помещен в Нидерландский банк на счет, известный как счет №3.Счет №1, насчитывающий 300 млн. долл., был оставлен в Американском Федеральном резервном банке.

Первоначально 2800 корпоративных и индивидуальных исков было выдвинуто против указанных авуаров. 500 компаний выдвинуло требования на суммы, превышающие 250 тыс. долл. Общий объем американских претензий к Ирану насчитывал более чем 10 млрд. долл., против которых Иран выдвинул претензий более чем на 35 млрд. долл., в которые входили фонды, принадлежавшие семье Пехлеви, и 12 млрд. долл., выплаченные за оружие, недопоставленное Ирану[7].

Первые слушания арбитражного трибунала состоялись летом 1981 года. Первой американской компанией, получившей компенсацию по решению трибунала, была B.F.Goodrich Tire Company, которой 8 мая 1982 года было присуждено 182,2 тыс. из 351,3 тыс. долл., требуемых первоначально. После этого различные американские компании и банки получили в 1982 – 1984 гг. более 350 млн. долл. компенсации. Так, компания Air La Carte получила 416 тыс. долл., Singer Company – 281 тыс., International Service – 81 тыс., Danial Man Jonhson Mendenhally – 420 тыс., Honeywoll Inform – 700 тыс., Granite – 369 тыс. долл.[8]

22 декабря 1983 года The Bank of America получил 427 млн. долл. в качестве выплаты по несиндицированным займам. Правда, из названной суммы 289,1 млн. долл. тут же были переведены Центральному банку Ирана. Это соглашение ознаменовало собой целую серию присуждения выплат крупных сумм американским банкам. Таким образом, окончательный результат кризиса с заложниками и урегулирования американских претензий к Ирану можно с некото-

рой степенью допуска назвать победой американских банков. Они могли бы не получить ни цента в качестве компенсаций при ином сценарии развития политической обстановки в Иране. Достигнутые в 1982 – 1984 гг. многочисленные соглашения по урегулированию финансовых отношений между Ираном и США в Гааге, наряду с проявлением готовности Ирана выплатить свои долги ряду ведущих западных стран, свидетельствовали о желании Ирана улучшить отношения с международными банками и открыть возможности для новых займов.

После кризиса с заложниками политические и дипломатические отношения между Ираном и США складывались в напряженной, враждебной атмосфере, а иногда переходили в прямую конфронтацию. Экономические отношения хотя и не служили их прямым отражением, но, безусловно, находились в зависимости от отношений политических. В ноябре 1979 года президент Д.Картер в ответ на захват американских заложников объявил торговое эмбарго Ирану. В результате действия эмбарго объем торговли сократился до исторически самого низкого уровня в 361 млн. долл. Экспорт США в Иран упал на 98% в течение 1980 года (от 1,019 млрд. до 23 млн. долл.). 19 января 1982 года президент США Р.Рейган смягчил эмбарго, и объем торговли стал медленно расти. Наиболее ярко это просматривалось в закупке США иранской нефти.

Подобное продолжение торговых отношений между Ираном и США во многом может быть объяснено действием двух причин. Во-первых, зависимостью Ирана от доходов от продажи нефти, которые составляют примерно 75% всех доходов Ирана, а также зависимостью от импорта американских запасных частей к военной и невоенной технике. Как правильно отмечает американский исследователь иранского происхождения М.Валибейги, «оба этих структурных фактора были теснейшим образом связаны с глубокой структурной зависимостью Ирана от западной экономи-

ки»[9]. Во-вторых, США стремились сохранить возможности для нормализации отношений с Ираном в будущем.

Несколько слов о закупке Соединенными Штатами иранской нефти. США начали вновь закупать нефть в Иране в апреле 1982 года. Несмотря на то, что иранская сторона отрицала какие-либо прямые торговые связи с США, Департамент обороны США объявил, что он закупил 1,8 млн. бар у расположенной в Женеве иранской торговой компании. Эта закупка была одобрена Государственным департаментом США. И, несмотря на то, что в своих выступлениях представители Государственного департамента подчеркивали, что эта покупка нефти в Иране была чисто коммерческим актом, а не являлась показателем улучшения отношений с Ираном, американские нефтяные компании восприняли это как сигнал от американского правительства, что покупка нефти в Иране является не только законной, но и отвечает политическим требованиям[10]. В связи с этим покупка нефти в последующие месяцы стала осуществляться достаточно широко и достигла своего пика в августе 1983 года, когда США закупили в Иране такое же количество нефти, как в Саудовской Аравии. В среднем в этот период США импортировали 100 000 бар/день из Ирана, и общий объем примерно составил 1,057 млрд. бар в течение 1983 года. В 1984 году импорт иранской нефти в США продолжался и достиг 308 млн. бар/день. Тем не менее, несмотря на такие большие объемы покупки иранской нефти Соединенными Штатами Америки, этот факт не нашел своего отражения в официальной иранской статистике[11].

Одной из причин увеличения объема торговли между Ираном и США стал финансовый кризис, с которым Иран столкнулся в 1981 – 1982 гг. Ирано-иракская война и ее последствия заставили Иран увеличить импорт как военных, так и промышленных товаров, что явилось существенной нагрузкой на валютные ресурсы страны. Общий объем иранского импорта из США возрос на 14% в 1981 году по сравнению с 1980 годом. Именно в этом году США возобновили широкомасштабные закупки иранской нефти, а

иранское правительство начало широкую кампанию по преодолению дефицита государственного бюджета, который составил около 2 млрд. долл. Эти усилия оказались успешными, и отрицательный баланс к концу 1983 года стал положительным [12].

Еще в шахский период нефть стала основным предметом экспорта Ирана в США и другие развитые страны. Революция не внесла сколько-нибудь существенных изменений в эту область. Нефть по-прежнему составляла более 90% экспорта Ирана в США. Почти все другие предметы экспорта составляли ковры, фисташки, финики, кожи и икра. Причем, кроме икры, предметы иранского ненефтяного экспорта постепенно теряли свое значение для американского рынка. К примеру, в 1978 году Иран экспортировал на 22,5 млн. долл. ковров в США, а в 1982 году эта цифра составила всего 1,4 млн. долл. Конкуренты из Индии, Пакистана и КНР оказались в состоянии восполнить пробел, образовавшийся на американском рынке в результате нарушения торговых отношений с Ираном.

То же самое можно сказать и о поставках иранских фисташек в США. Их позиции оказались подорванными из-за появления калифорнийских фисташек на американском рынке. В 1978 году Иран экспортировал фисташек в США на 21,8 млн. долл., а в 1984 году – всего на 8,3 млн. долл. Однако сильнее всего пострадал экспорт иранских кож. Их экспорт из Ирана в США в 1984 году составил 0,4 млн. долл. по сравнению с 26 млн. долл. в дореволюционном 1978 году [13].

Разрыв торговых отношений с США во время кризиса, вызванного захватом заложников, низкий уровень промышленного производства в стране, проблемы, вызванные жестким контролем государства над внешней торговлей, и, самое главное, существование различных курсов обмена валюты – официального, «плавающего» свободного и черного – лежат в основе причин, вызвавших потерю Ираном экспортных рынков.

Если состав импорта США из Ирана существенным образом не изменился в послереволюционные годы, то экспорт США в эту страну изменился достаточно серьезно. Доступная нам информация говорит о том, что относительный объем экспорта средств производства и машинного оборудования в общем объеме экспорта США в Иран увеличился с 39% в 1978 году до 81% в 1983 году. При этом в абсолютных величинах уровень экспорта средств производства и машинного оборудования в 1983 году был на 88% ниже, чем их уровень в 1978 году. Если относительный объем экспорта средств производства в Иран существенным образом возрос, то относительный объем экспорта продовольственных товаров уменьшился. До 1981 года США были основным поставщиком в Иран зерновых культур, в основном риса и пшеницы, после 1981 года их место заняли Аргентина, Таиланд, Индия и Пакистан. В 1983 году относительный объем продовольственных товаров в американском экспорте в Иран фактически упал до 1%.

Экспорт США в Иран не был стабильным во все послереволюционные годы. Так, в 1981 году он увеличился на 125% по сравнению с 1980 годом в основном за счет экспорта средств производства. Хотя правительство Исламской Республики Иран не приветствовало официально увеличение экспорта США в свою страну, оно вынуждено было разрешить покупку товаров у американских фирм в том случае, если не оказывалось возможности приобрести товары в другом месте. Расширение экспорта американских средств производства в Иран объяснялось технической и технологической зависимостью Ирана от США. А его уровень оставался достаточно высоким, как подчеркивал в своем интервью министр внешней торговли Ирана[14].

Еще одним важнейшим аспектом экспорта США в Иран продолжало оставаться военное снаряжение. Причем оно имело место, несмотря на официальный запрет в Соединенных Штатах Америки на поставку подобных товаров в Иран. Официальной информации относительно объема этого вида экспорта не существует. Однако научно-исследова-

тельские организации, тесно связанные со специальными службами, такие как Стокгольмский международный институт исследований мирных процессов (Stockholm International Peace Research Institute), документально подтвердили поставки американского оружия в Иран. Пытаясь оценить степень достоверности подобных сообщений, журнал «Тайм» провел компетентное исследование вопроса. Согласно его выводам, Исламская Республика Иран продолжала покупать американское военное снаряжение и запасные части к нему через международных торговцев оружием. Карлос В. де Мельо, бразильский торговец оружием, раскрыл прессе следующие факты: «После того, посредники два или три раза продали нам запасные части к оружию, заранее зная, что они направляются в Иран, и увидели, что ни одна из партий не была арестована, они стали действовать напрямую, вычеркнув нас из игры»[15]. А названный институт в отчете о своей работе подчеркивает: «Как Советский Союз, так и Соединенные Штаты Америки объявили о своем нейтралитете в ирано-иракской войне. При этом обе стороны столкнулись как с непредсказуемыми выгодами, так и с потерями. Обе они стали продавать оружие обеим воюющим сторонам»[16].

Представляется возможным сказать, что попытки Исламской Республики Иран положить конец всем экономическим связям с США оказались бессмысленными. Несмотря на существенное сокращение экономических отношений между ними, объективно действующие силы показали необходимость продолжения торговых и иных связей между этими странами. Финансовые затруднения иранского правительства, его жестокая зависимость от нефтяных доходов, техническая и технологическая зависимость от США лежали в основе продолжения отношений. При этом пока иранская экономика будет зависеть от нефтяных доходов и пока Соединенные Штаты Америки будут рассматривать этот регион как один из самых важных для своих интересов, прямые и косвенные экономические отношения между двумя странами будут продолжаться, несмотря на политические

разногласия, которые их разъединяют. В этом плане можно согласиться с мнением уже цитировавшегося нами ранее М.Валибейги, который отметил, что «материальные реальности, нашедшие отражение в экономической деятельности, в конечном итоге одержат верх над идеалами революционеров»[17].

---

[1] US Bureau of the Census, Department of Commerce, US Exports World Area by Schedule and Commodity Grouping (Forteign Trade, 455), 1979.

[2] Ibid.

[3] US Congress Joint Economic Committee «The United States and Iran: an Overview». By Bernard Reich in «Consequence of the Revolution in Iran». A Compedium of Papers Submitted to the Joint Economic Council Committee, 1979, c.8.

[4] Ibid., c.20.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] Middle East Economic Digest, January 22, 1982, c.12.

[8] Mehrdad Valibeigy. US – Iranian Trade Relations. In Amirahad Parvin Post Revolutionary Iran. London, 1988, c.215.

[9] Ibid.

[10] Middle East Economic Digest. April 30, 1982, c.8.

[11] Vahe Petrossian Iran Special Report Middle East Economic Digest. November 8, 1984, c.8.

[12] US Bureau of Census. US General Import: World Area by Commodity Grouping 1983, 1984.

[13] Us Bureau of Census. Department of Commerce. Foreign Trade 455, 1984.

[14] Iran Times. July 7, 1984.

[15] Time. July 7, 1984.

[16] Mehrdad Valibeigy..., c.220.

[17] Ibid., c.221.

ГЛАВА IV

Ирангейт

Одним из наиболее своеобразных и наиболее неожиданных проявлений развития американо-иранских отношений стала продажа американским правительством оружия Ирану в обмен на освобождение американских заложников в Ливане. Мы уже говорили о том, что захват заложников как средство осуществления целей, поставленных во внешней и внутренней политике руководством Исламской Республики Иран, стал одной из действующих моделей поведения Хомейни и его группировки. Достаточно ясно это проявилось в совместных действиях Тегерана и ряда шиитских организаций в Ливане, традиционно имевших тесные религиозные и, может быть, личные связи с иранским духовенством. Эти организации, базирующиеся на шиитских кланах в долине Бекаа, длительное время выступали в качестве одних из основных противников западного присутствия в Ливане, применяя различные террористические действия против западных учреждений и отдельных граждан как протест против действий Израиля в регионе. Использование силы, и особенно террора, рассматривалось боевыми членами этих организаций как акции, санкционированные религией.

Наиболее явными в этот период были связи Ирана с такими исламскими группировками, как «Исламский джихад» и «Хезболла». Поддержка их деятельности стала для руководства Исламской Республики Иран одним из способов экспорта исламской революции, важнейшего направления его внешней политики, ставшего особенно важным, когда выяснилась нереальность победы Ирана в ирано-иракском конфликте. Необходимо отметить, что, несмотря на тесные контакты между Тегераном и названными организациями, далеко не всегда они контролировались Ираном, потому что, в свою очередь, состояли из различных соперничающих между собой группировок. И тем не менее, Иран не от-

рицал своего влияния на эти группировки, возможно имея целью оказать давление на США, чтобы получить оружие, так необходимое в разгар войны с Ираком.

Деятельность исламских террористов в Ливане вызывала серьезное беспокойство Соединенных Штатов Америки, поскольку они стали организаторами целой серии жестоких атак на американских граждан в этой стране. Так, в апреле 1982 года было разрушено американское посольство в Бейруте и убито 63 человека, включая 17 американских служащих. 23 октября 1983 года в Бейруте же смертниками была взорвана казарма американских пехотинцев, где погиб 241 солдат, а 11 января 1984 года там же был убит президент американского университета. Эти акции сопровождались покушениями на американское и французское посольства в Кувейте, во время которых кувейтские власти арестовали и приговорили к тюремному заключению 17 террористов. Выдача этих заключенных, известных в средствах массовой информации как «узники Да'ава», по имени одной из прохомейнистских партий, к которой они принадлежали, стала основным требованием, выдвигаемым ливанскими террористическими группировками в качестве условия освобождения американских заложников, в различное время захваченных в Ливане.

Реакция официального Вашингтона была достаточно резкой. 20 января 1984 года государственный секретарь США обвинил Иран в поддержке международного терроризма. А четыре дня спустя последовало заявление Государственного департамента о том, что особые ограничения будут наложены на продажу оружия Ирану, поскольку он «оказывает постоянную поддержку международному терроризму»[1]. При этом Исламская Республика Иран была внесена в список стран, поддерживающих международный терроризм, а представители американского внешнеполитического ведомства заверили Конгресс в том, что «вопрос контроля (над продажей оружия Ирану. – И.Ф.) постоянно находится в поле зрения высших представителей администрации»[2]. Государственный департамент также настаивал на

принятии дополнительных мер против Ирана и указывал, что их необходимость обусловливается многочисленными агрессивными заявлениями высших иранских руководителей и многочисленными фактами расширения масштабов террористических акций за пределами Ирана.

Несмотря на позицию Вашингтона, в Ливане начался захват американских заложников. В марте – апреле 1984 года в Бейруте были захвачены четыре американца, в том числе сотрудник ЦРУ Уильям Бакли. В ответ на это в сентябре 1984 года Государственный департамент США ввел новые ограничения на экспорт в Иран самолетов и запасных частей к ним. Выступая в Нью-Йорке 25 октября 1984 года, государственный секретарь США Д.Щульц призвал к быстрым и решительным мерам против террористов, чтобы предотвратить новые акции и освободить старых заложников. «Наша нация не может играть роль Гамлета, который все время беспокоится, отвечать или не отвечать», – подчеркивал Д.Шульц[3].

Тем не менее в 1985 году были захвачены еще четыре американца, а 14 июня 1985 года последовал угон самолета и убийство одного из пассажиров. По этому поводу Р.Макфарлейн, тогда советник президента по национальной безопасности, заявил: «Моя цель состоит в том, чтобы напомнить террористам, что ни один акт террора не останется без ответа»[4]. В выступлении 30 июня 1985 года, касаясь этого вопроса, президент США отметил: «США не дадут террористам никаких гарантий, не сделают им никаких послаблений, не пойдут ни на какие сделки»[5]. Несмотря на эти недвусмысленные слова американского президента и одного из высших американских должностных лиц, президент Р. Рейган буквально через несколько недель разрешил Израилю продать противотанковые ракеты правительству аятоллы Хомейни, духовного лидера «Хезболла», а еще через несколько месяцев дал добро на прямые поставки оружия в Иран.

Это решение президента представляло собой резкий отход от официально объявленной политики США на запрет

на продажу оружия Исламской Республике Иран и о недопустимости уступок террористам в деле освобождения американских заложников. Первоначально решение президента не было зафиксировано ни в одном документе, а государственный секретарь и министр обороны не получили никакой информации. Этот акт послужил началом целой серии поставок оружия в Иран, которые продолжались около полутора лет. Во время первой сделки установилась модель, впоследствии фактически не изменившаяся: иранская сторона соглашалась на освобождение заложников в обмен на оружие, после того, как оружие доставлялось, следовало требование о дополнительных поставках и только после следующей партии освобождался один заложник, а не целая группа, как планировалось первоначально. На этих акциях, в дальнейшем получивших название «Ирангейт», или операции «Иран-контрас», мы остановимся несколько подробнее, потому что в них, как в фокусе, нашли свое концентрированное отражение важнейшие тенденции в американо-иранских отношениях в послереволюционный период. Основным источником при освещении этих событий нам послужил «Отчет Комитета Конгресса США по расследованию дела "Иран-контрас"», изданный в Вашингтоне в 1987 году.

В продаже оружия Ирану были задействованы три страны: Соединенные Штаты Америки, Израиль и сама Исламская Республика Иран. В США, начиная с осени 1984 года, Национальный совет безопасности призывал другие правительственные организации разработать план установления отношений с Ираном, одна из целей которого состояла в переориентации антиамериканского курса иранского правительства. Если Государственный департамент и министерство обороны выступали против этого, то ЦРУ было настроено положительно. Представители этого ведомства считали, что для восстановления отношений с Ираном необходимо заставить руководство Исламской Республики Иран дать указание освободить семь американских заложников и обещать прекратить свою террористическую деятельность.

В Иерусалиме официальные лица хотели улучшить отношения с Тегераном по чисто прагматическим соображениям. Несмотря на революционные призывы Хомейни уничтожить Израиль, правительство в Иерусалиме расценивало Ирак как значительно более серьезную угрозу своей стране, чем Иран. При этом израильские политики стремились заложить основу для восстановления коммерческих и дипломатических отношений с послехомейнистским Ираном. Тегеран, в свою очередь, повторяя многочисленные проклятия в адрес «большого сатаны США» и «богохульствующего Израиля», стремился получить современные танки и усовершенствованные противотанковые и противовоздушные ракеты, чтобы справиться с боевыми иракскими самолетами и танками, сделанными в СССР. Помимо этого он нуждался в запасных частях к оружию, закупленному еще шахом.

В мае 1985 года по поручению Р.Макфарлейна разведкой был составлен анализ конкретной ситуации в Иране и краткий прогноз ее развития в связи с возможностью продажи оружия руководству ИРИ. В этом документе, как и в меморандуме, предложенном директору ЦРУ, заключалась рекомендация использовать продажу оружия Ирану через союзную страну как один из вариантов для восстановления отношений с Исламской Республикой Иран. Национальный совет обороны заключил, что такой страной должен быть Израиль. На основании данных разработок Р.Макфарлейн подготовил проект «Решения по национальной безопасности» (National Security Directive Decision /NSDD/), т.е. президентской директивы, определяющей политику США в определенном регионе. Среди прочих моментов этот проект содержал рекомендации поддержать антихомейнистские силы в Иране и убедить союзников США и дружественные им государства помочь Исламской Республике Иран в ее нуждах в импорте, включая выборочную поставку военного оборудования [6].

Министр обороны К.Уайнбергер был решительно против такого направления в развитии отношений с Ираном.

Он написал на полях проекта: «Это слишком абсурдно, чтобы комментировать... Это подобно тому, чтобы предложить Каддафи поехать в Вашингтон на чашку кофе». Ответ государственного секретаря Шульца был также сугубо негативным. Он критиковал идею поставок оружия в Иран на том основании, что нарушение эмбарго укрепит Исламскую Республику Иран, и не соглашался с предположениями Р.Макфарлейна об опасности усиления советского влияния в Тегеране[7].

Президент Р.Рейган выступал в этот период с очень резкими заявлениями против Ирана. В речи от 8 июля 1985 года он сказал, что Иран является частью «союза террористических государств... новой организации сотрудничества для убийц». Он подчеркнул, что хочет дать понять «убийцам в Бейруте и их приспешникам, что Америка никогда не пойдет на уступки террористам»[8]. Единственным человеком, который в тот момент поддержал проект Р.Макфарлейна, оказался директор ЦРУ Кейси.

Тем не менее летом же 1985 года президент США, не подписывая никакой директивы и не уведомив Конгресс, дал добро на продажу оружия Израилем Ирану. Совет национальной обороны, который, в частности, занимался поставками оружия для контрас в Никарагуа, также принял участие в претворении в жизнь этого решения президента. Таким образом, несмотря на то, что министр обороны и государственный секретарь были против, проект начал осуществляться. В июле 1985 года уже существовала цепочка между Израилем и иранскими посредниками, а 6 августа 1985 года состоялась беседа президента Р.Рейгана с Р.Макфарлейном, в которой глава США одобрил инициативу Национального совета обороны, а после этого разрешил продажу Израилем Ирану серии антитанковых ракет и некоторой другой военной техники с тем, чтобы продать Израилю такое же количество вооружения. 20 августа первая партия оружия была доставлена в Иран. Однако освобождения заложников не последовало. 14 сентября из Израиля в Иран была доставлена следующая партия вооружения. 15 сентяб-

ря первый американский заложник был освобожден в Бейруте. «Поведение Ирана оказалось безошибочным. Все позиции и принципы США были оставлены. Нарушение Ираном договоренности оказалось ненаказанным. Под обещания выпустить заложников Иран мог вынуждать США продавать ему оружие», – отмечается в докладе по расследованию дела «Иран-контрас»[9].

План продажи Ирану ракет в обмен на заложников сформировался в ноябре 1985 года. Президент дал добро на продажу 80 ракет в обмен на всех заложников. При этом американская сторона обещала после освобождения всех заложников доставить в Иран прямо из США еще 40 ракет. Во время разработки и осуществления этого плана Р.Макфарлейн имел тесные контакты с израильскими официальными лицами, ставил в известность президента, государственного секретаря и других официальных лиц о подробностях плана. Первые 18 ракет были доставлены в Иран из Израиля самолетом ЦРУ 24-25 ноября 1985 года, однако ни один заложник в ответ на это не был освобожден в Ливане. В начале декабря президент задним числом подписал директиву, уполномочивающую ноябрьскую продажу ракет в Иран. В ней ничего не говорилось об улучшении отношений с Ираном. Данная директива просто давала санкцию на обмен американских заложников на оружие для Ирана. Заместитель советника по национальной безопасности Д.Пойндекстер через год уничтожил эту директиву, поскольку, по его признанию во время расследования Иран-гейта, она могла скомпрометировать президента.

Трудности ноябрьской продажи ракет и неудача в освобождении заложников не прекратили контакты с Израилем в этой области. Пойдя по пути торговли жизнью заложников, президент и Национальный совет обороны не захотели поворачивать обратно. Отвечать за эти операции и отчитываться перед советником президента по национальной безопасности и его заместителем вице-адмиралом Джоном Пойндекстером должен был подполковник Оливер Норт, сотрудник Совета национальной безопасности. В декабре

1985 года О.Норт постоянно подчеркивал в своих докладных, что проведение более жесткого курса в американской политике может заставить радикалов убить заложников. Необходимо отметить, что к этому времени появилась еще одна причина для продолжения подобной деятельности. Доходы, которые американская сторона получала от этих сделок, направлялись на помощь контрас в Никарагуа.

В декабре 1985 года и в январе 1986 года государственный секретарь и министр обороны США, как и раньше, критиковали продажу оружия Ирану в обмен на заложников. Они подчеркивали, что эта инициатива противоречит официально провозглашенной политике США о недопустимости продажи оружия террористическому государству и наносит вред долгосрочным интересам США. Помимо этого он отмечал, что иранские посредники не внушают им доверия. Тем не менее в январе 1986 года президент подписал новую директиву, в которой предписывалось продолжать продажу ракет в обмен на заложников, и указал, что об этой деятельности не следует докладывать Конгрессу. Причем, когда Генеральный совет ЦРУ обратил внимание президента на то, что предоставление Израилю права на продажу оружия, сделанного в США, нарушает указ по контролю над экспортом вооружения, Р.Рейган по совету генерального прокурора разрешил прямую продажу оружия в Иран, минуя посредников. Это решение было принято, несмотря на протесты министров Шульца и Вайнбергера, и нашло отражение в директиве президента от 17 января 1986 года, устанавливающей, что оружие будет продаваться непосредственно из запасов США. Роль ЦРУ должна была стать более значительной, оно должно было обеспечивать техническую помощь и оформить законное прикрытие для сделок с оружием. В директиве также подчеркивалось, что цель продажи оружия состоит в том, чтобы облегчить усилия третьих сторон и третьих стран в установлении контактов с умеренными элементами вне правительства Ирана и обеспечить оружием умеренные элементы, «облегчив им усилия в борьбе за проамериканское правительство в Иране и оказывая по-

мощь в защите своей страны от Ирака и СССР»[10]. Когда подписывалась эта директива, ряд американских официальных лиц уже знал, что иранцы, участвовавшие в переговорах, были связаны не с умеренными элементами в Иране, а с представителями корпуса стражей исламской революции, подразделения, руководившего самыми радикально настроенными элементами, и что первые партии оружия попали как раз в их руки. Но это не повлияло на ход решения президента. В меморандуме, сопровождающем директиву, правда, указывалось, что если заложники не будут освобождены, то инициатива должна быть прекращена.

Необходимо отметить, что к началу 1986 года многие непосредственные участники операции стали скептически смотреть на возможность освобождения заложников или же на улучшение отношений с Ираном благодаря продаже оружия. Однако перспектива получения доходов для поддержки других программ ЦРУ давала новый стимул для продолжения операции. Несмотря на многочисленные нарушения иранцами своих обязательств, поставки оружия продолжали приносить деньги организаторам акции, поэтому О.Норт и Д.Пойндекстер выступали настойчивыми защитниками этой акции. В феврале 1986 года США поставили в Иран первые ракеты и предоставили некоторые данные военной разведки по Ираку. Все оставшиеся американские заложники должны были после этого быть освобождены. Однако этого не произошло, а иранская сторона настаивала на дополнительной поставке запасных частей. Американская сторона получила около 6 млн. долл. прибыли от этой операции за счет разницы в суммах, которую она получили в Иране, и той, которую она заплатила в США. Необходимо отметить, что цены на оружие Ирану были по инструкции О.Норта завышены в среднем в 3,7 раза. Часть этих денег пошла на помощь контрас, а остальные – легли на секретный счет в швейцарском банке. Согласно показаниям О.Норта, директор ЦРУ Кейси предполагал, что эта акция положит начало обширному плану использования продажи оружия Ирану для получения денежных средств,

обеспечивающих секретную, независимую от Конгресса США деятельность ЦРУ во всем мире. Эти соображения во многом обеспечили продолжение американо-иранской инициативы.

Весной 1986 года президент Р.Рейган одобрил план поездки Р.Макфарлейна и О.Норта в Тегеран. Их миссия должна была возглавить девятимесячные усилия по освобождению заложников и началу прямого диалога с руководством Исламской Республики Иран. При этом Р.Макфарлейн ассоциировал свою предполагаемую встречу с Рафсанджани, премьер-министром Муссами и президентом Хаменеи – тремя наиболее влиятельными лидерами в ИРИ – с исторической секретной встречей Киссинджера с премьером КНР, которая открыла путь для американо-китайского сближения. Р.Макфарлейн предполагал, что заложники будут освобождены сразу же после его прибытия в Тегеран, а запасные части на вооружение не будут доставлены до освобождения заложников. Надеясь на успех, О.Норт за свой счет заказал у израильского кондитера шоколадный торт в качестве подарка для иранцев.

Делегация прибыла в Тегеран утром 25 мая1986 года в самолете, наполненном запасными частями к иранским ракетам. Р.Макфарлейн рассчитывал, что в аэропорту его встретит Рафсанджани и другие высокопоставленные иранцы, однако этого не произошло. Американцев встретили и сопровождали третьестепенные иранские чиновники. С аэродрома они направились в бывший отель «Хилтон», где в течение четырех дней велись переговоры. С иранской стороны переговоры велись лицами настолько низкого ранга, что Р.Макфарлейн расценил их как простую потерю времени и отказался принимать в них участие, предоставив это сопровождавшим его лицам. Дискуссия состояла в основном из выражений иранцами недовольства тем, что американские участники не привезли с собой достаточное количество оружия и запасных частей, и протестов американцев из-за того, что заложники не освобождались.

Вопросы, по которым было найдено взаимопонимание, носили крайне общий характер. Например, США согласились признать иранскую революцию и суверенитет Ирана, обе стороны выразили недовольство по поводу присутствия советских войск в Афганистане. 28 мая в 6 часов 30 минут утра иранцы предложили следующий компромисс: немедленно освободить двух заложников, а двух других – после того, как будут доставлены дополнительные запасные части к ракетам. Р.Макфарлейн отказался, строго соблюдая инструкцию о необходимости освобождения всех заложников. Впоследствии мы увидим, что это оказалось последним случаем проявления твердости – через два месяца США отправят в Иран запасные части в обмен на освобождение всего одного заложника.

Существует много объяснений провала миссии Р.Макфарлейна в Иран. Одно из них состоит в том, что переговоры между иранцами и американцами были очень плохо подготовлены. В своих показаниях Сэкорд, один из участников переговоров, в частности, утверждал, что предварительного соглашения о выдаче заложников не существовало. «Насколько я знаю, – подчеркивал он, – и это будет для многих неожиданностью, у иранцев вообще не существовало решения выдавать заложников во время встречи в Тегеране... Я даже не знаю, как это могло прийти Р.Макфарлейну в голову»[11]. Один из переводчиков, принимавших участие в переговорах, Хаким, также отмечал, что не может припомнить, чтобы кто-либо обещал освободить всех заложников. Р.Макфарлейн, со своей стороны, был крайне удивлен заявлением Сэкорда. Он отмечал, что сотрудники ожидали полного освобождения заложников, а президент Р.Рейган и Пойндекстер также разделяли их ожидания. Пойндекстер, например, писал О.Норту за месяц до поездки: «Вы можете ехать, но я хочу, чтобы вы разъяснили иранцам, что никаких запасных частей не будет доставлено, пока все заложники не будут освобождены, в соответствии с планом, который вы представили мне раньше... Или – все, или – ничего. Вы также можете сказать им, что президента начинают раздражать их постоянные задержки»[12].

26 июня 1986 года второй американский заложник в Ливане был освобожден. Несмотря на настойчивые заявления Р.Макфарлейна о том, что запасные части и другое вооружение не будет поставляться в Иран, пока все заложники не выйдут на свободу, 4 августа 1986 года новая партия оружия была доставлена в Исламскую Республику Иран. Летом того же года Пойндекстер, будучи под впечатлением от неудачной тегеранской встречи, уполномочил О.Норта найти новый выход на иранцев, так называемый «второй канал». Этот канал был найден, и в конце августа состоялась первая встреча американцев с иранским эмиссаром, который оказался представителем корпуса стражей исламской революции, отличившийся в войне с Ираком. В документах, изданных в США в 1987 году, его фамилия не называется, так же, впрочем, как и фамилии других представителей иранской стороны. По американским данным, за «вторым каналом» стоял непосредственно Х.Рафсанджани. По словам О.Норта, к ноябрю 1986 года Х.Рафсанджани собирался взять под свой контроль вопрос об освобождении заложников и весь процесс развития отношений с США. Переговоры с иранцами начались в сентябре, а 19 сентября в Вашингтоне состоялась встреча представителя Рафсанджани с О.Нортом, Сэкордом и другими американскими официальными лицами. Во время дискуссий каждая из сторон отмечала, что ее целью является установление долгосрочных отношений между Ираном и США и что необходима совместная оборона против возможной агрессии СССР. Основными вопросами дискуссии, однако, по-прежнему оставались возможности дальнейшего обмена оружия на заложников. Выяснилось, что иранская сторона тесным образом увязывает освобождение американских заложников с освобождением шиитских экстремистов в Кувейте и что шиитские организации в Ливане, будучи тесно связанными с Ираном, тем не менее действуют достаточно независимо от него. Это, естественно, осложняло освобождение американцев. Во время переговоров в Вашингтоне была намечена новая встреча во Франкфурте. В целом же американская сторона оценивала

новый канал достаточно оптимистично. «Ваша поездка в Тегеран полностью оправдала себя. Вы добрались до самой вершины. Они очень обеспокоены Советами, Афганистаном и экономическими проблемами. Они понимают, что заложники представляют собой препятствие для развития наших отношений. "Посредник" был в Бейруте и сказал, что есть хорошие новости для Франкфурта. Мы посмотрим. До сих пор мы настаивали на групповом освобождении. Если это не получится, будем начинать второй тур. Благословите нас», – писал Пойндекстер Р.Макфарлейну 3 октября 1986 года[13].

Необходимо отметить, что в этот период на исход американо-иранских переговоров практически не оказал влияния тот факт, что в Ливане продолжался захват новых заложников. Так, 3 сентября, 12 сентября 1986 года и, наконец, 21 октября 1986 года, как раз накануне встречи в Западной Германии, в Ливане были захвачены еще три американских гражданина.

Во Франкфурте позиция США претерпела серьезные изменения, которые практически означали нарушение основных принципов политики США на Среднем Востоке. Встреча началась 6 октября 1986 года. С американской стороны присутствовали О.Норт, Сэкорд, переводчик Хаким. Иран представляли «Посредник» и член корпуса стражей исламской революции. В результате была достигнута договоренность по девяти пунктам. Вот важнейшие из них. Через девять рабочих дней 500 ракет, запасные части и некоторые лекарства будут доставлены в Иран. Помимо этого американская сторона должна была разработать план по освобождению 17 заключенных в Кувейте, связанных с организацией «Ад-даава», посаженных в тюрьму 12 декабря 1983 года за нападение на американское и французское посольства в Кувейте. После этого 1-2 американских заложника будут освобождены в Ливане и дополнительные 500 ракет будут отправлены в Тегеран. В целом это соглашение получило одобрение американской стороны. В своих показаниях Пойндекстер подчеркивал, что президент одобрил все девять

пунктов данного документа. Однако показания перед комиссией Конгресса в этом вопросе расходятся. Государственный секретарь Шульц утверждал, что, когда он 12 декабря 1986 года информировал Р.Рейгана о том, что этот план предусматривал содействие США в освобождении кувейтских заключенных, президент впал в состояние шока.

Следующая встреча состоялась также в Западной Германии, в Майнце, 29 октября 1986 года. Во время встречи иранская сторона сообщила, что обстановка в Иране крайне напряженная и что ассоциация студентов подготовила многочисленные копии памфлета, описывающего визит Р.Макфарлейна в Тегеран. Более того, несмотря на то, что деятельность организации «Хезболла» в значительной степени контролируется Ираном, часть радикально настроенных ее членов готовятся опубликовать сообщения о переговорах между США и Ираном в ливанской прессе. Эти события едва не помешали иранцам прибыть на встречу. На переговорах американские представители высказали настоятельное недовольство задержкой освобождения заложников, что являлось, по их словам, самым существенным препятствием для дальнейшего развития отношений между двумя странами, а именно: контрактами на военные поставки и восстановление официальных отношений. Вопросы военной помощи США Ирану в случае освобождения заложников находились в центре внимания обеих сторон. Иранцы отмечали, что Рафсанджани проявил личную заинтересованность в этих вопросах. Особенно он был заинтересован в прибытии американских специалистов в Иран для работы с боевой техникой, сделанной в США. О.Норт, возглавивший группу американцев на переговорах, обещал, что, как только заложники будут освобождены, Исламской Республике Иран будет открыт официальный счет, и она сможет открыто покупать оружие в США, что приведет к существенному понижению цен на него.

После этой встречи О.Норт отметил, что у него «имеются серьезные основания полагать, что как за «первым», так и за «вторым» каналами в Иране стоят одни и те же силы, а

именно: Хашеми Рафсанджани. Этот лидер, по мнению О.Норта, решил из «своих собственных политических соображений, что лучше вовлечь в дело как можно больше политических групп. Этот политический маневр означал, что в случае провала акции не разгорится внутренняя война»[14].

Следующая партия ракет была отправлена в Иран и третий заложник получил свободу 3 ноября 1986 года. А на следующий день сведения об ирано-американских контактах были обнародованы ливанским журналом «Ал Шираа». 4 ноября 1986 года Х.Рафсанджани выступил в иранском парламенте с заявлением о том, что американская делегация действительно побывала в Иране. Первоначально эти сообщения показались неправдоподобными, потому что немногие принципы американской внешней политики отстаивались на словах более твердо, чем нежелание иметь что-либо общее с террористами и отказ продавать оружие Исламской Республике Иран. А 25 ноября министр юстиции США объявил о том, что доходы, полученные от продажи оружия Ирану, шли на поддержку контрас в Никарагуа в то время, когда военная помощь США контрас была запрещена. «Иран и Никарагуа – две большие точки американской политики – оказались, таким образом, связаны между собой в кризисе доверия и поставили серьезные вопросы о соблюдении администрацией конституции в процессе управления», – отмечалось в Отчете Комитета Конгресса США по расследованию дела «Иран-контрас» в ноябре 1987 года[15].

Обнародование этих сделок в ноябре 1986 года не оказало серьезного воздействия на ход американо-иранских переговоров. После выступления Рафсанджани иранцы сообщили О.Норту, что они готовы продолжать контакты. США не имели ничего против. Американские специалисты достаточно правильно оценили факт раскрытия поставок оружия в Иран как следствие борьбы внутри иранской правящей элиты. Одним из подтверждений этому может служить тот факт, что Сеид Мехди Хашеми, брат зятя аятоллы Монтазери, одного из наиболее ярких противников каких-либо кон-

тактов с западными странами, был арестован в Тегеране и казнен по обвинению в коррупции. Представляется, что истинной причиной этой казни стало то, что его связи с вооруженными группировками за рубежом, его приверженность идее экспорта исламской революции, вылившиеся в разоблачение связей Ирана с США, поставили под сомнение авторитет политики, проводимой председателем меджлиса ходжат оль исламом Хашеми Рафсанджани.

В этой связи Г.Тейчер, сотрудник Национального совета безопасности, писал Пойндекстеру, что сообщения в средствах массовой информации об отношениях Ирана с США, «которые имели место сразу же после визита высокопоставленных иранских деятелей в Дамаск, являются наиболее достоверным показателем из всех, которые мы смогли получить о том, что в Иране идет борьба за лидерство и что американо-иранские отношения играют в этой борьбе важную роль»[16]. Он советовал не прекращать инициативу по установлению отношений с Ираном с тем, чтобы «не дать преимуществам, которые он несет, выскользнуть из рук». В документе содержалась просьба к Пойндекстеру «обсудить положение с Шульцем и Кейси и, как минимум, определить, как наилучшим образом ответить иранцам». Данные, содержащиеся в записных книжках О.Норта в этот период, говорят о том, что цель освободить заложников оправдывала любые усилия, которые до этого предпринимались. Он также был уверен, что общественность одобрит его деятельность[17].

Ирано-американская инициатива продолжалась. 8 ноября состоялась встреча О.Норта и некоторых других сотрудников с иранцами в Женеве, на которой обе стороны подтвердили свое решение продолжать контакты. А 13 декабря имела место еще одна встреча во Франкфурте. Позиция сторон была следующей: Тегеран, во-первых, подтвердил, что он готов продолжать работу в установленных рамках; во-вторых, что смещение Саддама Хусейна является неподлежащим обсуждению требованием, которое должно быть осуществлено до окончания ирано-иракской войны;

в-третьих, США должны доставить в Иран все ранее закупленное шахом оружие в США и задержанное там декретом президента Д.Картера; в-четвертых, американская администрация должна была содействовать освобождению ливанских заложников из кувейтской тюрьмы. Иранцы подчеркивали, что последний пункт является очень важным для ливанцев, которые, безусловно, будут более сговорчивыми после их освобождения. В случае выполнения этих требований иранцы обещали приложить все усилия, чтобы освободить американских заложников. В ответ на это американцы подчеркнули, что оружие больше не будет фигурировать в переговорах с иранцами. Узнав это, иранская сторона заявила, что подобная позиция Вашингтона кладет конец данной инициативе. Эти переговоры вызвали резко отрицательную реакцию у государственного секретаря Шульца, и во время его встречи с президентом Р.Рейганом он настоял на том, чтобы обмену американских заложников в Ливане на оружие для Ирана был положен конец.

Мы видим, что противоречивые тенденции в американской внешней политике, как в фокусе, сконцентрировались в деле «Иран-контрас», как оно стало впоследствии называться. С одной стороны, официально объявленная политика Вашингтона состояла в том, чтобы не идти ни на какие уступки для освобождения заложников потому, что это могло привести и, как мы видим, привело к захвату новых заложников. С другой – США секретно проводили обмен оружия на заложников. С одной стороны – наблюдались определенные шаги в сторону Ирака, с другой – подполковник О.Норт обещал иранцам содействовать в смещении Саддама Хусейна и предоставлял данные военной разведки Ирану. С одной стороны, американская администрация призывала все правительства наказать терроризм и официально поддерживала правительство Кувейта в его решимости не выпускать ливанских террористов, с другой – высшие американские чиновники обещали содействовать их освобождению. В целом мы можем оценить ирано-американскую торговлю оружием в обмен на заложников как оп-

ределенный просчет в политике США на Среднем Востоке потому, что США вооружали Иран, включая самые радикальные шиитские элементы в стране, но не добились ни улучшения отношений с враждебным им режимом, ни сокращения общего числа американских заложников. Помимо этого продажа оружия не привела к умеренности в иранской политике. Умеренные лидеры не пришли к власти в Иране в тот период, а исламское руководство продолжало террористические акции против США в Персидском заливе и других местах.

Негативные последствия «иранской инициативы» привели к тому, что Конгресс США принял решение провести свое собственное расследование. Оно началось в январе 1987 года. Члены Конгресса, опросив более 500 свидетелей и просмотрев более 300 документов, подготовили Отчет Конгрессу. В этом документе дело «Иран-контрас» с полным основанием характеризовалось следующим образом: «Основными составными частями дела "Иран-контрас" были секретность, обман, неуважение к закону. Маленькая группа высших чиновников верила, что только она знает, как правильно поступить. Она рассматривала информированность других членов правительства как угрозу своим целям. Они не сообщали ни государственному секретарю, ни Конгрессу, ни американцам о своих действиях. Когда раскрытие стало им угрожать, они уничтожили документы и начали лгать представителям Конгресса, официальным лицам из Кабинета и широкой публике. Они признались, что скрывали важные факты даже от президента». И далее: «Отказ администрации от демократических принципов создал условия для провала политики и привел к противоречиям, которые подорвали доверие к США»[18].

---

[1] Reports of the Congressional Committee 1-st Session Investigating the Iran-Contra Affair. Washington, 1987, c.60.

[2] Developments in the Middle East. July 1984: Hearings before the Subcommitee on Europe and the Middle East of the House Comm. on Foreign Affairs, 98 Cong. 20d Session 452, July 25, 1984.

[3] George Shultz. Speech Terrorism and the Modern World. – New York Times, October 26, 1984; "Shultz Says US Should Use Force against Terrorism". – New York Times, October 12, 1984.

[4] Development in the Middle East. June 1985: Hearings before the Subcommitee on Europe and the Middle East Youse of Comm., 1-st Session. June 19, 1985.

[5] New York Times. July 1985.

[6] Reports of the Congressional Committee..., c.165.

[7] Ibid.

[8] Ibid.

[9] Ibid., c.170.

[10] Ibid., c.208-209.

[11] Ibid., c.242.

[12] Ibid.

[13] Ibid., c.254.

[14] Idid., c.260-261.

[15] Ibid., XV.

[16] Ibid., c.262.

[17] Ibid.

[18] Ibid.

ГЛАВА V

Исламская Республика Иран и США в 80-е годы

Огромное значение в развитии всех международных отношений в регионе Ближнего и Среднего Востока в 1980 – 1988 гг. имела ирано-иракская война. Она же стала фактором, во многом определившим и ирано-американские отношения в этот период.

В самом начале войны Исламская Республика Иран обратилась в Совет Безопасности ООН с просьбой осудить Ирак. Это обращение не вызвало особой симпатии у членов Совета, поскольку сам Иран в этот момент нарушал международные законы, удерживая американских дипломатов в качестве заложников. Тем не менее они приняли резолюцию, призывающую к прекращению огня. Ирано-иракский конфликт существенным образом не затрагивал интересы США в регионе, они не имели дипломатических отношений ни с одной из воюющих сторон и объявили о своем нейтралитете.

Как уже говорилось, на первом этапе обширное наступление иракских войск косвенным образом повлияло на улучшение американо-иранских отношений, способствовав освобождению американских заложников. На втором этапе, в 1982 году, когда Иран отбросил иракские войска со своей территории, ситуация изменилась. Это наступление создавало предпосылки для окончания конфликта в пользу Ирана, что могло привести к определенному нарушению интересов западных держав, в том числе США, в регионе. Победа Ирана во многом стала бы победой исламского фундаментализма, и он, вдохновленный успехом, мог бы продолжать экспортировать свою революцию военным путем в соседние страны. Это со временем явилось бы угрозой стабильности прозападных консервативных режимов региона. Помимо этого возникали возможности для контроля Ирана над основными нефтяными путями в Персидском заливе. В

данной связи ведущие американские политики подчеркивали в Отчете Комитета по внешней политике Конгресса США, что «поскольку победа Ирана может иметь для США совершенно непривлекательные последствия, то основной интерес США должен заключаться в том, чтобы предотвратить поражение Ирака»[1].

Соединенные Штаты Америки включили Иран в список стран, поддерживающих международный терроризм, что существенным образом затрудняло продажу ему оружия, и потребовали осудить Иран в Организации Объединенных Наций. Поворот Америки в сторону Ирака выразился в том, что они способствовали выделению кредитов компанией «Коммодити Кредит корпорейшн» (Commodity Credit Corporation) Ираку для сельскохозяйственных и иных закупок в США, предоставили правительству Саддама Хусейна ряд разведывательных данных по Ирану и, наконец, 25 ноября 1984 года восстановили дипломатические отношения с Багдадом через семнадцать лет после того, как они были прерваны во время войны 1967 года на Ближнем Востоке. Какие-либо более непосредственные формы помощи Ираку не имели ни военного, ни политического смысла. Ирак пользовался оружием, сделанным в СССР, и практически не имел затруднений в его приобретении, а иракские военные, обученные в СССР, не смогли бы достаточно быстро привыкнуть к новому вооружению. Помимо этого прямая военная поддержка Ирака могла сопровождаться как внутриполитическими, так и внешнеполитическими осложнениями для самой американской администрации.

Вскоре после восстановления отношений с Ираком администрация Р.Рейгана резко изменила курс и начала осуществлять «стратегическую инициативу» в отношении Ирана. Во многом ее можно объяснить желанием освободить американских заложников и стремлением не предоставлять существенных преимуществ ни одной из воюющих сторон для того, чтобы этот конфликт закончился «без победителей и побежденных», а также рядом других причин, о которых будет говориться далее. «Стратегическая инициатива», по-

лучившая впоследствии название «Ирангейт», или дело «Иран-контрас», не принесла практически никаких результатов в осуществлении поставленных перед ней целей, а ее отрицательное воздействие на образ США среди арабских государств не вызвало сомнений. Нет необходимости говорить о том, что американо-иракские отношения пострадали. Как неоднократно подчеркивали иракские государственные деятели, поставки оружия помогли Исламской Республике Иран укрепить ее противовоздушную оборону и таким образом снизили эффективность усилий Ирака в основной области, в которой он имел преимущества, – в воздухе. Политическим эффектом продажи администрацией Рейгана оружия в Тегеран стало растущее беспокойство в Багдаде, а поскольку по времени оно совпало с наступлением Ирана, то вылилось в кризис доверия к США. Негативные последствия только усиливались нежеланием американских представителей прибыть в Ирак с какими-либо объяснениями. Однако со второй половины 1987 года отношения между этими двумя странами стали улучшаться, что в определенной степени обусловливалось слушаниями по делу «Иран-контрас» в Конгрессе США. В результате правительство Ирака стало склоняться к тому, что «стратегическая инициатива» представляла собой не тайный план, направленный против него, а лишь следствие некомпетентности отдельных представителей американской администрации. Положительную роль в отношениях этих двух стран сыграло и заключение в августе 1987 года нового договора между Вашингтоном и Багдадом о развитии торгового, экономического и технического сотрудничества сроком на пять лет.

В эти годы США проводили весьма гибкую политику, которая шла сразу по нескольким альтернативным направлениям. Среди них можно назвать усиление американского военного присутствия в Персидском заливе, которое значительно увеличилось в 1986 – 1987 гг. В многочисленных выступлениях представителей американской администрации подчеркивалось, что сам факт присутствия военного флота США в Персидском заливе не является чем-то из ряда вон

выходящим и представляет собой только расширение предшествующей политики США в этом регионе, которое осуществлялось во второй половине 40-х годов. Представляется, что это не совсем так, поскольку во второй половине 80-х годов произошли значительные изменения в численности американских военных кораблей. Так, в 1948 году там находилось небольшое военное формирование, в задачи которого входила демонстрация американского флага, помощь в установлении отношений со странами региона, обеспечение топлива для военных сил США, проведение гидрографических исследований. В августе 1948 года это формирование было названо Ближневосточной силой США. Сначала оно состояло из одного флагманского корабля и двух военных кораблей. Четкая формулировка задач этой силы относится к 1980 году, когда президент Д.Картер сделал заявление о необходимости защищать жизненно важные для США регионы, пресекая все попытки посторонних сил вмешиваться в дела этого региона. Примерно к этому времени относится некоторое увеличение численности Ближневосточной силы.

Интересно отметить, что когда «Доктрина Картера» о необходимости защиты жизненно важных интересов США во всех регионах мира была объявлена, то в начале 1980 года министр иностранных дел Кувейта выразил протест по поводу этого акта, подчеркнув, что народы региона прекрасно могут справиться с обеспечением своей собственной стабильности и стабильности обстановки. Как мы видим, время изменило отношение Кувейта к этой проблеме. Практически сразу же после начала войны между Ираком и Ираном, в конце 1980 года, Кувейт отбросил свои разногласия с Ираком и предложил ему поддержку. Этот шаг определялся отсутствием доверия у суннитов Кувейта к иранским религиозным деятелям, за год до этого пришедшим к власти в Тегеране. А в разгар танкерной войны, в 1986 году, Кувейт обратился одновременно к правительствам США и СССР с просьбой защитить его суда, установив на них флаг США или СССР. Первым дал свое согласие Советский Союз, и че-

рез некоторое время после него – Соединенные Штаты Америки. Кувейт принял предложение американской администрации и ограничил роль СССР, поставив под его контроль всего несколько кораблей, «чтобы обеспечить баланс между странами».

Решение установить флаг США на некоторых судах в Персидском заливе было принято в значительной мере из желания восстановить доверие к США у арабских стран региона, сильно подорванное делом «Иран-контрас», а также из желания не допустить сколько-нибудь заметного расширения присутствия СССР в Персидском заливе. Этими же факторами в значительной степени объяснялось и согласие американской администрации конвоировать суда в Персидском заливе. Представляется возможным отметить, что эти решения не вызывали особого энтузиазма у союзников США, поскольку они опасались, что расширение вмешательства США может вызвать усиление враждебности Ирана ко всем союзным кораблям в Заливе. 22 июля 1987 года военно-морские силы США начали эскортировать первые кувейтские суда. Эти решения, в свою очередь, привели к значительному расширению численности американских военно-морских сил в Персидском заливе.

Американское правительство выдвигало три основных соображения, обосновывающих его политику в Заливе: обеспечить бесперебойный поток нефти, воспрепятствовать советскому проникновению, гарантировать свободу навигации. По мнению американских политологов, ни одно из этих соображений не являлось убедительным. Они считали, что запасам нефти в регионе ничего не угрожает, потому что фактическое влияние ирано-иракской войны на судоходство в Заливе было весьма незначительным, а возможности СССР в деле расширения своего влияния ограничены устоявшимся недоверием арабских государств к Советскому Союзу. В этой связи американские сенаторы, критикующие политику Р.Рейгана в ирано-иракском конфликте, подчеркивали, что обеспечить свободу навигации, поставив американский зонтик над 11 кувейтскими судами, не принимая учас-

тия в обеспечении свободного плавания никаких других судов, практически невозможно. Помимо этого они считали, что Иран, доходы которого были теснейшим образом связаны с экспортом нефти, сам не был заинтересован в нарушении свободы судоходства в Заливе.

Возможно, наиболее объективное объяснение целей, которые преследовали США, было высказано государственным секретарем Уайнбергером на заседании Конгресса США 9 июня 1987 года: «Основной вопрос – это вопрос о лидерстве, о руководящей силе в свободном мире, противостоящей анархии и тирании»[2]. Конечно, это скорее вопрос о демонстрации роли лидера в этом регионе, чем реальная сила, способная обеспечить порядок. Можно согласиться в этом аспекте с мнением американских политологов, которые подчеркивали, что даже «такие крупные военно-морские силы вряд ли смогут сделать что-либо, кроме того, чтобы демонстрировать американский флаг и отражать атаки на суда, которые они непосредственно защищают. Во всяком случае, очень мало свидетельств тому, что судоходство в Заливе стало более безопасным после того, как США стали наращивать там военные силы»[3]. Интересно привести и мнение Р.Макфарлейна, бывшего помощника президента США по национальной безопасности, высказанное им на семинаре в геополитическом центре университета Дофине в Париже на тему «Перед лицом неопределенности на Ближнем Востоке» в начале 1988 года: «Безоговорочное признание иранской революции и прекращение ирано-иракского конфликта... позволило бы, видимо, установить какой-то модус вивенди в период после Хомейни, когда Исламская Республика откажется от поддержки террористов и попыток экспортировать свою революцию. Однако, – подчеркивал Р. Макфарлейн, – очень важно, чтобы развертывание нашего флота в флота наших союзников продолжало оставаться доказательством нашей политической воли вплоть до определения Ираном нового политического курса»[4].

Представляется, что в целом администрация США не была заинтересована в победе какой-либо из воюющих сто-

рон в ирано-иракском конфликте и стремилась к тому, чтобы он кончился «без победителей и побежденных» таким образом, чтобы ни Иран, ни Ирак не получили бы существенных преимуществ. Белый дом полагал, что лучше всего прекратить этот конфликт путем усилий всего международного сообщества. Это имело определенные основания. Во-первых, Иран, несмотря на свои многочисленные заявления о приоритете исламских ценностей над всеми остальными, на самом деле был небезразличен к мнению мировой общественности. Во-вторых, только совместные действия мирового сообщества могли бы оказаться эффективными. Хотя даже всеобщее эмбарго на продажу оружия Ирану не перекрыло бы пути свободного рынка, оно, несомненно, сделало бы оружие более дорогим и затруднило бы доступ к наиболее сложному оборудованию. Подобное эмбарго, не распространяющееся на жизненно важные товары, ограничило бы возможности Ирана. А в том случае, если бы это удалось совместить с бойкотом иранской нефти, это был бы, безусловно, мощнейший рычаг давления на политику Ирана. Хотя, конечно же, даже бойкот нефти не смог бы прекратить ее продажу Ираном, но резко снизил бы цены и повысил побочные расходы.

Одну из возможностей этого США видели в претворении в жизнь резолюции 598 ООН, и президент Р.Рейган достаточно последовательно предпринял ряд мер с целью заставить Иран согласиться с ее требованиями. Например, в ноябре – декабре 1987 года был принят закон о запрете импорта в США иранской нефти, введено эмбарго на поставки иранской продукции в США (в качестве ответа на нападения иранцев на суда в Персидском заливе), практически введен вторичный запрет на поставки оружия Ирану. При этом США неоднократно обращались к другим странам с целью привлечь их к подобным акциям. Однако призывы США не получили ожидаемого результата. Например, Япония, крупнейший торговый партнер Ирана, еще в декабре 1987 года дала понять, что санкций против Исламской Республики Иран не введет, хотя и постарается не увеличивать объем

торговых операций с этой страной. Англия длительное время балансировала между необходимостью оказать политическую поддержку США и нежеланием сокращать связи с Ираном. СССР и Китай в сентябре 1987 года выступили в Совете Безопасности ООН против введения немедленных санкций в отношении Ирана, с тем чтобы дать ему время и убедить правительство в Тегеране пойти на компромисс. (В дальнейшем СССР изменил свою позицию и в начале 1988 года обратился с призывом к координации санкций против Ирана с условием, что в Персидский залив будет введен флот под флагом ООН.) Представляется, что нежелание ряда стран присоединиться к санкциям против Ирана объяснялось, с одной стороны, стремлением сохранить важный рынок для своих товаров, а с другой – пониманием того, что эмбарго на продажу оружия Ирану не могло бы заставить ИРИ прекратить военные действия, а лишь вынудило бы его еще большую часть закупать на свободном рынке.

Наряду с осуществлением давления на Иран по различным каналам с целью прекращения ирано-иракского конфликта, США постоянно предпринимали усилия, направленные на начало прямых переговоров с представителями ИРИ, которые, как заявил в ноябре 1987 года Эдвард Джерджян, заместитель помощника государственного секретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии, должны стать шагом в правильном направлении для разрешения американо-иранских разногласий. Он подчеркивал, что США готовы к четкому авторитетному диалогу с иранскими представителями на достаточно высоком уровне. Однако официальные прямые переговоры между этими двумя странами так и не начались. В конце 1988 года президент Р.Рейган категорически отрицал наличие подобных переговоров, однако он уточнял, что всегда находились третьи стороны, которые входили в контакт с Ираном и обсуждали с ним ряд вопросов. Причем, по его словам, администрация США всегда была в курсе обсуждающихся вопросов. (Исключение составляли переговоры между Ираном и США в Гааге в рамках Международного трибунала.)

Трудности начала переговоров между США и ИРИ в определенной степени объяснялись тем, что иранская сторона обусловливала их начало поставками в Иран оружия, которое было закуплено еще шахом и заморожено США декретом президента Д.Картера во время кризиса с заложниками. Желание иранской стороны получить это оружие усугублялось тем, что за одно его хранение в США она должна была ежемесячно выплачивать около 100 000 долл. Американская сторона в первую очередь связывала начало и успешный ход переговоров с освобождением своих заложников в Ливане, которых удерживала там организация «Хезболла». В начале 1989 года бывший президент США Д.Картер направил аятолле Хомейни послание, в котором он, как представляется, выразил официальную точку зрения, отметив особо, что освобождение американских заложников в Ливане ликвидирует самую крупную преграду на пути восстановления отношений между Ираном и США. Симптоматичными в этой связи явились и слова из инаугурационного заявления Д.Буша, в котором содержалось косвенное обращение к Исламской Республике Иран, отмечающее, что «добрая воля рождает добрую волю» и что американцы всегда оценят помощь, проявленную в отношении своих сограждан, томящихся за рубежом.

Представляется, что в комплексе причин, побудивших правительство ИРИ пойти в июле 1988 года на признание резолюции 598 ООН, давление со стороны США сыграло далеко не определяющую роль. Безусловно, только широкий круг экономических и политических причин, как внутреннего, так и международного плана, вынудили правительство ИРИ пойти на этот шаг. Однако в целом он вполне соответствовал интересам американской администрации. США приветствовали решение Тегерана принять резолюцию 598 ООН, назвав это важным сдвигом в иранской внешней политике, и заявили, что прочное перемирие между Ираном и Ираком может привести к улучшению американо-иранских отношений.

Особые надежды на улучшение отношений между двумя странами появились в связи со смертью аятоллы Хомейни. После этого события в конце лета 1989 года американская научно-исследовательская корпорация «Рэнд корпорейшн» подготовила анализ ситуации в Иране и дала вытекающие из него рекомендации администрации США. Он был издан под редакцией Н.Шахголдиана и назывался «Клерикальный истеблишмент в Иране». Характеризуя внутриполитическую обстановку в стране, авторы анализа подчеркивали, что, несмотря на определенные признаки роста нестабильности, исламский режим не собирается уступать свое место никакому другому и в конечном итоге выдержит испытание временем благодаря существованию тесных семейных связей между духовными лидерами страны и их совместной политической тактике. Исходя из этого положения, американские ученые делают весьма традиционные выводы и дают не менее традиционные рекомендации американскому правительству. Они считают, во-первых, что, поскольку Иран является ключевой страной региона, необходимо тщательно разработать вопросы нормализации и последующего развития американо-иранских связей, во-вторых, направить усилия на сдерживание влияния СССР в Иране, в-третьих, остановить действия Ирана по дестабилизации обстановки в государствах Персидского залива.

Комментируя состоявшиеся летом 1989 года советско-иранские контакты, авторы не придают им решающего значения и подчеркивают, что Иран по-прежнему чрезвычайно опасается своего северного соседа, а советская угроза продолжает оставаться для него гораздо более значимой и непосредственной, чем та, которая может исходить от США. По их мнению, тактические действия администрации Д.Буша должны быть следующие. Белому дому следует попытаться осуществить умеренное продвижение навстречу Ирану с тем, чтобы реализовать желание американцев освободить своих заложников в Ливане. Необходимо соблюдать нейтралитет в деле урегулирования ирано-иракского конфликта, придерживаясь линии ООН. Улучшать американо-

иранские отношения при помощи и посредничестве таких стран, как Алжир и Пакистан. Придерживаться принципа равноудаленности от различных иранских эмигрантских центров. Поддержать территориальную целостность Ирана. Оказать помощь в послевоенном восстановлении иранской экономики. Содействовать укреплению связей Ирана с Японией, Швейцарией, Китаем, ФРГ и Италией.

Несколько более сдержанные рекомендации американским внешнеполитическим ведомствам дал известный иранист Б.Рубин, сотрудник Института Ближнего Востока, в июне 1989 года в газете «Нью-Йорк Таймс». Американский политолог подчеркивает, что «в последние годы своей жизни аятолла Хомейни, создав кризис с заложниками, выбил из седла Д.Картера, а в результате дела "Иран-контрас" он унизил Р.Рейгана. Теперь оставленное им наследие угрожает третьей американской администрации в том случае, если она поддастся соблазну повлиять на Иран после смерти аятоллы Хомейни». Б.Рубин считает, что, несмотря на большое желание «вернуть дружбу Ирана, оказать противодействие советскому влиянию и добиться громкого внешнеполитического успеха, установив контакт с заклятым врагом Америки», эти стимулы должны быть отвергнуты. Главное, по его мнению, не торопиться, потому что у Америки нет серьезных причин стремиться к восстановлению отношений с Ираном. Мы можем отчасти с ним в этом согласиться. Прежде всего, не существует ни внешней, ни внутренней угрозы суверенитету или единству Ирана. Помимо этого маловероятно, что Иран пойдет на активный экспорт исламской революции или что ему в этом будет способствовать успех. Нереально и советское вмешательство в дела Ирана.

Б.Рубин делает акцент на том, что Вашингтон должен ясно понять, что улучшение отношений с Тегераном следует расценивать как уступку Ирану. «Администрация Буша, – подчеркивает ученый, – которая лихорадочно разрабатывает иранскую политику, должна ограничить свои действия двумя направлениями. Во-первых, США должны заявить об

отсутствии претензий к Ирану и предложить свою помощь в решении затянувшихся финансовых вопросов, возникших в результате дореволюционных отношений. Во-вторых, США должны выдвинуть условия улучшения отношений. Среди них – одностороннее прекращение террористических актов Ирана и активное участие Ирана в освобождении американских заложников»[5]. В статье делается вывод, что если Вашингтон проявит достаточный разум и осторожность, то правительство Ирана в течение ближайших нескольких лет пойдет на урегулирование этих отношений.

Представляется неверным сводить политику США к одной из названных моделей. Однако, безусловно, ее общий положительный настрой в отношении Ирана и общая направленность на постепенную нормализацию американо-иранских отношений присутствовали в конце 80-х годов. Прежде всего мы видим крайне сдержанную реакцию на антиамериканские действия, инспирированные Ираном в Ливане. Так, после убийства там в августе 1989 года полковника У.Хигинса, захваченного одной из проиранских группировок (по некоторым данным, он был убит ранее, но сообщили об этом только после захвата христианскими подразделениями шейха Обейда), администрация США увеличила численность кораблей в Персидском заливе. К берегам Ирана были передислоцированы линкор «Айова», авианосец «Коралси» и крейсер-авианосец «Бейкап». Однако представляется, что это была просто демонстрация силы, поскольку президент Буш, выступая в августе, как раз во время передислокации, подчеркнул, что планирование любых акций проводится с большой осторожностью, и призвал мировое сообщество к освобождению всех заложников, включая шейха Обейда.

О доброжелательном отношении администрации США к Ирану говорит и заявление президента Буша, сделанное им также в августе 1989 года: «Нам необязательно сохранять враждебность к Ирану до конца наших дней. У нас были хорошие отношения с ним в прошлом. Он имеет важное стратегическое значение. Он был бы с готовностью принят

в семью законопослушных стран, не поддерживающих терроризм». Президент подчеркнул, что никаких обменов и сделок с целью освобождения американских заложников не будет. Однако он, как и в инаугурационном заявлении, отметил, что только «добрая воля рождает добрую волю». Эти слова, очевидно, намекали на то, что в случае освобождения американских заложников в Ливане администрация США положительно решит вопрос об иранских авуарах.

Как доброжелательный жест в сторону Ирана выглядело и размораживание 3 ноября 1989 года постановлением Международного трибунала в Гааге 560 млн. долл. из замороженных декретом президента Д.Картера иранских авуаров. Необходимо отметить, что это решение, как и возможное положительное отношение к Ирану в целом, вызвало неоднозначную реакцию в американской администрации. С одной стороны, некоторые члены Конгресса обвинили президента Картера в «заигрывании» с Ираном. С другой – бывший президент Картер, чьим указом эти авуары и были заморожены, отметил, что пришло время разморозить их полностью. В мае 1990 года представители США и ИРИ подписали соглашение об урегулировании многочисленных мелких исков, предъявленных американской стороной Тегерану после революции. Общая сумма выплаты по 2750 искам составляла 105 млн. долл. Мы можем рассматривать эти соглашения как сигнал о постепенном урегулировании отношений. Ожидается, что подобные соглашения между США и Ираном вполне могут проложить дорогу к началу более важных переговоров по вопросам, связанным с иском иранской стороны на сумму в 11 млрд. долл. по крупным контрактам, разорванным США после революции.

Однако, по мнению иранской стороны, как отмечает «Техран таймс» от 9 ноября 1989 года, в размораживании этой небольшой суммы администрация США не проявила никакой доброй воли, а просто выполнила решение Международного трибунала. «Выплата этой суммы не является условием, выдвинутым президентом Ирана для оказания помощи в деле освобождения заложников. Иран требовал

возвращения всех авуаров, незаконно замороженных администрацией США», – писала близкая к правительственным кругам газета. Образцом подобных соглашений, приемлемых для Ирана, газета называла договоренность с Францией, состоявшуюся в мае 1988 года. Эта договоренность предусматривала выплату Ирану Францией оставшейся суммы процентов и основного долга в 1 млрд. долл., который Франция должна была Ирану еще со времен шаха, в ответ на освобождение трех французских заложников в Ливане и возобновление ирано-французских отношений. «Техран таймс» подчеркивала, что в этом соглашении «возобладала честность».

Имеются разнообразные свидетельства тому, что правящая группировка в Тегеране также высказывала заинтересованность в установлении контактов с Соединенными Штатами Америки. С одной стороны, это высказывания радикально настроенных членов меджлиса с обвинениями «адвокатов США» в проамериканских настроениях. Так, ходжат-оль ислам Мохаммад Али Ансари заявил: «Многие назначения и увольнения, противоречивые пресс-конференции и определенная экономическая политика создают впечатление, что официальные лица заключили непрямые соглашения с США и дали зеленый свет нормализации отношений»[6]. Его коллега подчеркнул: «Природа великого сатаны, США, неожиданно превратилась, по мнению исламских адвокатов США, в ангельскую натуру. Они говорят, что настала золотая возможность установить отношения с сатаной. Они даже управляют на основе американских законов, а связи с США являются для них обязательными, если они полезны»[7]. Подтверждая наличие позитивных настроений в Тегеране, газета «Вашингтон пост» от 8 августа 1989 года писала, «что руководители США и Ирана говорили накануне в примирительном и позитивном тоне друг о друге в своих публичных выступлениях, что явилось удивительным отходом от враждебной риторики последних лет». Другие американские газеты также отметили новый тон Тегерана, который прозвучал в выступлениях президента А.Рафсанд-

жани. Этот тон не означал, по их мнению, что произошло радикальное изменение позиции Тегерана, но что появились шансы на положительное развитие событий и имеются признаки, что Рафсанджани хочет положить конец изоляции Ирана от США и остального мира. Названные тенденции развивались и в 1990 году. Так, 28 апреля 1990 года иранское информационное агентство ИРНА сообщило, что вице-президент Ирана по парламентским делам Моханджерани выступил с предложением начать прямые переговоры с США по интересующим его вопросам. Однако не указал, что Иран готов к возобновлению отношений. «Прямые переговоры, – отметил он, – являются более удобными для Ирана, но в ходе этих переговоров необходимо иметь в виду, что они не могут восприниматься как признак господства одной из сторон. В нынешнем мире мы не намерены закрывать нашу страну, выстраивая вокруг нее высокие стены или игнорируя другие страны».

Однако отношение в правящей элите Ирана к восстановлению американо-иранских отношений не только не однозначно, но зачастую и диаметрально противоположно. Например, некоторыми членами правительства заявление Моханджерани было оценено как его личная точка зрения, и Али Акбар Моташеми, министр внутренних дел, назвал это высказывание безответственным. Подобные противоречия объясняются во многом неоднородностью иранской политической элиты. Рафсанджани, президент Ирана с 1989 года по 1997 год, представлял наиболее прагматическое крыло духовенства и являлся сторонником развития американо-иранских отношений. Однако помимо него существовала значительная часть группировок в руководстве страны, которые усматривали в подобном восстановлении подрыв своего влияния. Член меджлиса Неджеф Коли Хабиби был убежден, что внутренние агенты США и американского империализма, сторонники западной культуры и центристски настроенные либералы, которые пытались многочисленными путями после смерти имама свернуть исламскую революцию с правильной дороги, старались предать забвению

революционные ценности. А его коллега ходжат-оль-ислам Байат подчеркивал, что люди, считающие, что враг может раскаяться и изменить свои намерения, не могли выполнить указания имама. По его мнению, надежды на то, что Соединенные Штаты Америки из врага Ирана могут стать его другом, были безосновательны и оказывали отрицательное воздействие на формирование внешней и внутренней политики Ирана.

Об определенной активности антиамериканских настроений в Иране свидетельствовали и две антиамериканские кампании в 1989 году. Первая проходила летом и сопровождала поимку лиц, обвиненных в шпионаже в пользу США, а вторая состоялась в октябре – ноябре 1989 года и была приурочена к десятой годовщине захвата американских заложников в посольстве США в 1979 году. 4 ноября перед зданием посольства США была устроена демонстрация, в которой приняли участие около 10 тыс. человек. Конечно, она была не столь многочисленна, как в предыдущие годы, но призывы, звучавшие на ней, были такие же, как и раньше. Лидер одной из наиболее антиамерикански настроенных группировок «Союза исламских студенческих обществ» Ш.Вабахи, например, заявил, что линия имама находится в опасности.

Эта же организация была одним из инициаторов пресс-конференции, устроенной в Тегеране для иностранных журналистов в ознаменование годовщины захвата посольства. На ней руководители этого союза подчеркивали, что капиталистическая культура в сочетании с капиталистической экономикой может лишить Иран исламской и национальной индивидуальности. Было провозглашено, что борьба против США должна вестись по различным направлениям потому, что исламская революция и ее цели по своей природе враждебны США. В этой связи настойчиво указывалось на необходимость выявить внутреннюю опору США в Иране. В качестве «внутренней опоры» на этой пресс-конференции присутствовали семь иранцев, обвиненных в шпионаже в пользу США, которые рассказали о своей вербовке ЦРУ и

той информации, которую они передавали. Представители «Союза исламских студенческих обществ» очень радикально настроены и считают, что отношения с США невозможно нормализовать независимо от того, на какие уступки пойдут США, даже в случае размораживания авуаров Ирана в американских банках. «Мы боремся против США не потому, что они заморозили иранские авуары. Их размораживание не сможет исчерпать проблемы, которые стоят между нашими странами. Наша борьба против США вечна, появление сверхбогатых – вот предтеча американских баз. Наша борьба не может быть совмещена с такими вопросами, как займы и программы восстановления»[8].

Незадолго до годовщины захвата посольства меджлис принял постановление в ответ на резолюцию Юридического департамента США (министерства юстиции). В этом постановлении содержится требование «усилить сопротивление террористическим действиям американской администрации» и призыв к президенту Ирана широко разоблачать, арестовывать и наказывать американских агентов. В постановлении подчеркивается, что иранские суды должны выносить приговоры американским гражданам и их агентам, так же как агентам других стран, которые сотрудничают с США в шпионаже за иранскими подданными, в их похищениях и устройстве заговоров против интересов Исламской Республики Иран. В заключение подчеркивалось, что этот документ будет оставаться в силе, пока американский президент будет отдавать приказы, угрожающие жизни и интересам иранских подданных.

В заключение представляется возможным сказать, что после смерти Хомейни начался определенный процесс стабилизации и нормализации американо-иранских отношений. В 1990 году он стал более активным, начинался процесс разработки договоренности между Ираном и США, который предусматривал полную нормализацию отношений и освобождение всех заложников из числа западных граждан, находящихся в руках проиранских шиитских группировок в Ливане. США в ответ предусматривали оказание Ирану во-

енной и экономической помощи, а также уступки в области иранского понимания прав человека. По некоторым данным, США в начале 90-х годов были готовы возобновить программу оказания военной помощи Ирану, но эта программа не была реализована, а темпы самого процесса нормализации отношений Ирана и США самым тесным образом оказались связаны с внутренней жизнью Ирана, с динамикой развития иранской политической элиты, с соотношением сил в правящих кругах страны.

---

[1] War in the Persian Gulf. The US Takes Sides a Staff Report to the Committee on Foreign Relations US Senate. Now. 1987. Washington, c.19.

[2] Ibid., c.21.

[3] Ibid., c.27.

[4] Ibid., c.27.

[5] New York Times. June 1989.

[6] Iran Focus. January 1990, c.5.

[7] Ibid., c.8.

[8] Ibid., c.5.

ГЛАВА VI

Отношения Ирана и США в середине 90-х годов

Во второй половине 90-х годов Соединенные Штаты Америки продолжали проводить на Среднем Востоке политику давления на те государства, которые выступали против их гегемонии в регионе. В первую очередь это политика «двойного сдерживания» Ирана и Ирака, предотвращающая сколько-нибудь серьезное усиление какой-либо из названных стран. При этом, если предыдущая американская администрация проводила политику «кнута и пряника», то администрация Клинтона ограничила ее политикой «кнута и кнута», стремясь всячески ослабить своих противников на Ближнем и Среднем Востоке. Одним из примеров этому могут служить ракетные удары по Ираку, которые, однако, имели и непредусмотренное последствие. Ослабив Ирак, они дали преимущества позиции Ирана, что не могло не вызвать беспокойство в Палате представителей Конгресса США, и оттуда раздались предупреждения президенту Клинтону о том, что более активные действия могут усилить прошиитские настроения в регионе.

Подобная позиция США объяснялась во многом следующими факторами: антиамериканской направленностью внешней политики Ирана, поддержкой Ираном международного терроризма, оппозицией процессу ближневосточного урегулирования, стремлением к гегемонии в регионе и активными усилиями по обладанию химическим и ядерным вооружением. Особое беспокойство вызывало усиление военно-морских сил Ирана, способных, по утверждению американских наблюдателей, перекрыть в случае экстренной необходимости Ормузский пролив.

Антииранская кампания в США усилилась в конце 1994 года после заявлений израильского правительства о том, что Иран находится на грани получения ядерного оружия и, особенно, решения России о поставках 2 ядерных реакто-

ров в Иран. И хотя собственные оценки американских экспертов, а также данные МАГАТЭ не вызывали особой тревоги, реакция США стала достаточно нервозной и дала возможность некоторым европейским обозревателям говорить о преобладании в политике США эмоций над разумом[1].

Усилия Америки были направлены на то, чтобы экономическими и политическими акциями привести к полной изоляции ИРИ в мире. В этой связи американское правительство предприняло ряд действий. В мае 1995 года оно ввело полное эмбарго на торговлю с Ираном, которое предусматривало следующие шаги:

а) американским нефтяным компаниям запрещалась покупка и продажа иранской нефти; (Представляется целесообразным напомнить, что в 1994 году ИРИ экспортировала в США 600 тыс. б/день, а в начале 1995 года – 400 тыс. б/день, что составляло 1/4 – 1/5 иранского нефтяного экспорта.)

б) запрещался весь экспорт США в Иран; (В отличие от существовавших ограничений, которые предусматривали только запрет экспорта высоких технологий двойного назначения.)

в) запрещались все виды инвестирования, в результате чего компания КОНОКО вынуждена была отказаться от сделки в 600 млн. долл. на разработку иранского нефтяного месторождения в Персидском заливе.

США сначала добились сокращения доли иранских компаний в Каспийском нефтяном консорциуме, а затем и полного его вывода из состава консорциума. Такой двойной подход, возможно, объясняется стремлением поддержать разработку нефтяных месторождений на территории бывших республик СССР и тем самым снизить значение иранской нефти в мировой добыче.

В августе 1996 года в США был принят закон, создающий препятствия для стран, намеревающихся сделать сколько-нибудь значительные инвестиции в иранскую нефтегазовую промышленность. Законопроект был подготовлен сенатором-республиканцем Альфонсом Д'Амато от

штата Нью-Йорк и Американо-израильского общественного комитета. Согласно ему, могут быть наложены две из списка шести санкций на компанию, которая инвестирует в течение года в газовые или нефтяные проекты Ливии или Ирана более 40 млн. долл.* Среди этих санкций: отказ в выдаче лицензии на экспорт американских товаров, неоказание помощи американским банкам в экспортно-импортных операциях, невозможность получения американских государственных контрактов, невозможность экспортировать товары в США.

Во многом появление этого закона объяснялось предвыборной кампанией президента Клинтона. Само подписание было обставлено с большой помпезностью в духе рекламного шоу. На нем присутствовали родственники тех, кто погиб в авиакатастрофе 1988 года на борту американского самолета, в которой обвинялись террористы, поддерживаемые Ираном, и двух человек из числа заложников в американском посольстве в Тегеране в 1980 году. В своем выступлении Клинтон назвал Иран и Ливию в качестве двух основных спонсоров международного терроризма и заявил о миссии Америки, которая заключается в том, чтобы наказать террористов. Одновременно в прессе делались попытки связать появление этого закона с гибелью американского самолета в июле текущего года, а министр обороны Перри высказывал предположения, что Иран стоял и за взрывами в Саудовской Аравии.

С момента своего подписания закон вызвал резко отрицательную реакцию стран Европейского Союза и Японии, которые призвали США подумать еще раз, поскольку неприемлемо диктовать торговую политику другим странам. Они угрожали поставить этот вопрос в Международной торговой организации, обвинив США в нарушении закона свободы торговли[2]. Особенно ярко противоречия проявились на конференции, организованной в Лондоне газетами «Геральд Трибьюн» и «Ойл Дейли Компани Делит» в авгу-

* Так называемый закон ILSA. Впоследствии предел был установлен в 20 млн. долл.

сте 1996 года. В защиту американской политики выступил Грег Рикман, работающий в команде сенатора Д'Амато. Он эмоционально заявил: «Если вы хотите иметь дело с дьяволом, то пусть так и будет. Если европейские страны не хотят принимать участие в разрешении проблемы, они могут стать ее частью». И предупредил: «Если Иран устроит террористический акт против США, он будет сметен с лица земли». Общее мнение европейских стран на конференции выразил представитель французского правительства, заявивший, что ограничения, накладываемые США, «противоречат международному праву, и мы не собираемся на них реагировать»[3]. Представляется небезынтересным отметить, что на этой конференции США и ИРИ как бы поменялись своими традиционными ролями. На фоне красочных высказываний Г.Рикмана иранские представители выступали в спокойном и сдержанном тоне, говоря о необходимости стабильности в мире для наиболее продуктивного использования мировых нефтяных ресурсов в XXI веке.

Соединенные Штаты Америки не ограничились только мерами экономического и политического порядка. В июне 1995 года в Персидском заливе был сформирован 5-й флот США – первый постоянно действующий флот США после второй мировой войны. А в феврале 1995 года США выделили 20 млн. долл. на антииранскую кампанию.

Помимо подписания законопроекта, запрещающего другим странам инвестировать в Иран, администрация Клинтона проводила активную дипломатическую кампанию с целью заручиться поддержкой Западной Европы и Японии в деле экономической и политической изоляции Ирана. Безоговорочное одобрение действиям США выразил только Израиль. Япония согласилась лишь отложить на какое-то время предоставление займа на постройку плотины на реке Карун. Остальные же страны или никак не прореагировали, или, наоборот, расширили свое сотрудничество с Ираном, как Франция или Китай (последний ведет переговоры о продаже ядерных технологий в Иран).

В целом администрации Клинтона не удалось путем значительного дипломатического давления удержать другие страны от развития отношений с Ираном, хотя кое-какие трудности все-таки были созданы. Например, в прошлом году страны-кредиторы Парижского клуба в результате нажима со стороны США отказались разрешить Ирану пересмотреть график погашения долгов. «Мы закрыли многие каналы поступления им средств. И это обойдется им в кругленькую сумму», – заявил Д'Амато[4].

Односторонние санкции, естественно, не могли оказаться эффективными. Пожалуй, самым существенным оказался запрет на продажу иранской нефти в США. Но Иран нашел выход и из этой ситуации.

С другой стороны, можно говорить и о том, что антииранские действия США в определенной степени оказались выгодны иранскому режиму. Постоянные нападки давали возможность списать все просчеты внутренней политики на международные заговоры и укрепляли позиции традиционных клерикальных кругов, сторонников жесткой линии. Помимо этого Иран постоянно находился в центре внимания американской политики, и это, несомненно, поднимало его престиж на международной арене. Возможно, поэтому ряд американских аналитиков советовали не поднимать шум вокруг Ирана, а просто его игнорировать. А некоторые представители Государственного департамента считали необходимым пересмотреть политику США в отношении Ирана. Так, например, заместитель государственного секретаря Роберт Пелетро 24 октября 1996 года заявил, что отсутствие диалога с Ираном на данный момент не может считаться удовлетворительным и выразил надежду, что во время второго срока президентства Клинтона ситуация изменится[5].

В ответ на эти и другие высказывания Рафсанджани 4 ноября 1996 года заметил, что Иран не собирается отказываться от диалога с США, но никогда не начнет его под давлением. «И если они (США) "утихомирятся", как указывал имам, то не будет никаких проблем. Наша политика продол-

жает линию имама», – подчеркнул он[6]. А лучшим доказательством добрых намерений Америки, по его мнению, было бы размораживание иранских авуаров в банках США.

Рафсанджани отрицал поддержку Ираном террористов, указывая при этом на наличие двойного стандарта в подходе США к этому вопросу. «Америка совершает военные нападения на Ливию и Иран, и эти акции почему-то не рассматриваются как терроризм», – говорил он[7]. По нашему мнению, «двойной стандарт» в американской политике существовал и в отношении Ирана и особенно ярко проявился, когда США не препятствовали поставкам иранского оружия мусульманским отрядам в Боснию во время военных действий на Балканах. Сенатор Боб Доул сказал по этому поводу: «Клинтон дал зеленый свет террористическому государству распространять свое влияние в Европу»[8]. Однако иранские официальные лица скромно замалчивали этот факт.

Создавая образ умеренной положительной страны, Рафсанджани неоднократно отмечал, что Иран не стоит на пути ближневосточного урегулирования, что у его страны не было проблем с народом Америки и что двери Ирана открыты для США. Доказательством этого был, по его мнению, контракт с КОНОКО. Подобные заявления совпадают с некоторым исправлением образа ИРИ на международной арене. С тем, что он смягчил свою позицию в отношении государства Израиль, допустил к себе экспертов МАГАТЭ и активно выражал готовность вести диалог с Европой.

Внутри самих Соединенных Штатов не было единства в оценке основного направления и перспектив политики, проводимой администрацией в Иране. Республиканская партия, имеющая большинство в Конгрессе, настаивала на ужесточении курса. Подчеркивая озабоченность США в отношении Ирана, более двухсот членов Палаты представителей призвали к проведению эффективной глобальной политики в целом и против Тегерана в частности, потребовав от европейских стран занять более четкую позицию. Они обнародовали «Заявление по Ирану», подписанное 222 членами Конгресса. В нем указывается, что пришло время для

совместных действий, чтобы изолировать режим Тегерана, и содержится призыв к европейским странам последовать за Вашингтоном, который ввел суровые экономические санкции против Ирана. Помимо этого авторы документа подчеркнули, что те, кто заинтересован в реальных переменах в Иране, должны начать работу с иранскими демократическими оппозиционными группировками, такими как «Национальный совет сопротивления Ирана». А председатель комитета по международным отношениям Б.Гилман, указав на недостаток сотрудничества со стороны европейских союзников по этим проблемам, отметил, что администрация США достигла бы больших успехов, если бы действовала не в одиночку.

В свою очередь, некоторые конгрессмены-демократы полагали, что пришло время откорректировать курс. «Почему бы не попытаться внести некоторые изменения», – сказал член Палаты от Индианы Ли Гамильтон, отметив призывы бывших высокопоставленных американских лиц о том, чтобы ослабить напряженность в отношениях с Ираном. Возможно, это объяснялось тем, что санкции, направленные на то, чтобы не допустить финансирования Ираном международного терроризма и получения оружия массового поражения, имели побочный эффект для американского бизнеса.

Однако с началом нового срока президентства Б.Клинтона существенных изменений в политике США не произошло. Можно было лишь говорить о некотором снижении интереса к Ирану. В определенной степени это можно объяснить ожиданиями результатов президентских выборов в самом Иране. В тот момент многие американские ученые задавали себе вопрос о том, будет ли Иран через восемь лет после смерти основателя Исламской Республики Иран придерживаться основных принципов революции 1979 года или возьмет более умеренный курс.

Надежды на смягчение внешнеполитического курса Ирана возросли после избрания на пост президента ИРИ Хатами, который, несмотря на близость к революционным

кругам, известен относительно умеренными взглядами, отличающими его от радикально настроенных представителей духовенства, и считается приверженцем определенного изменения подхода в отношениях с Западом в целях выхода страны из изоляции. При этом Вашингтон занял довольно осторожную позицию. «Мы внимательно следим за ситуацией, – заявил представитель Белого дома в интервью "Нью-Йорк Таймс". – Мы должны посмотреть, произойдут ли действительно перемены в поведении Ирана в тех вопросах, которые вызывали озабоченность в прошлом, а именно: терроризм, распространение оружия массового поражения и нарушение прав человека». И далее: «Результат этих выборов позитивен и дает определенные надежды, но пока рано делать какие-либо выводы, потому что враждебность в отношении США и Израиля является основой внешней политики Ирана»[9]. Стало очевидно, что в этой ситуации решение о привлечении Ирана – крупнейшей державы региона – к сотрудничеству не будет скорым и выводы о будущем американо-иранских отношений пока действительно делать рано.

28 мая 1997 года на пресс-конференции в Тегеране Мохаммад Хатами, отвечая на вопрос о возможном смягчении позиции Ирана, сказал, что пока Америка будет продолжать враждебный курс, никакой речи о сближении этих стран быть не может. По его словам, позиция ИРИ по ближневосточному урегулированию не претерпит существенных изменений: «Иранское руководство по-прежнему считает израильский режим расистским и уверено, что достижение мира на Ближнем Востоке невозможно без обеспечения законных прав палестинского народа»[10]. Хотя, выступая в меджлисе, Хатами заявил, что его стране нужна новая внешняя политика и ИРИ будет стремиться к установлению отношений с различными странами. Иранская оппозиция, находящаяся в США, уверена, что умеренный образ Хатами – это обман, поскольку ни Хатами, ни какое-либо другое правительство не имеет возможности контролировать внешнюю политику ИРИ, определяемую высшим религиозным лиде-

ром аятоллой Хаменеи и антизападно настроенными преданными ему экстремистами.

Новое обострение словесной войны между Ираном и США было вызвано признанием Палатой представителей Конгресса США Иерусалима в качестве столицы Израиля. В этой связи Рафсанджани, открывая в Тегеране в июне 1997 года конференцию Организации исламских столиц и городов, подчеркнул, что данный шаг является оскорблением для всего исламского мира, и призвал участников предпринять активные действия, противостоящие США. «США ясно показали, что их заявления о нейтральной позиции в ближневосточном конфликте лишь пустые слова и что они готовы к наращиванию своего присутствия в регионе», – отметил он[11].

Существенным фактором, который в обозначенный период стал влиять на весь комплекс международных отношений в регионе Среднего Востока в целом и на взаимоотношения Ирана и США в частности, является приближающийся нефтяной бум в регионе и растущее значение в этой связи северных соседей Ирана – бывших советских республик Средней Азии и Закавказья, на территории которых и расположены обширные запасы полезных ископаемых. США осознают это и, сохраняя неизменным общее направление риторики в отношении Ирана, делают новые намеки на заинтересованность в улучшении отношений.

Нефтяной фактор в конечном итоге может привести к тому, что США будут рассматривать Иран не в ближневосточном, а в центральноазиатском контексте. Ведь прямо по территории Ирана может проходить один из основных маршрутов перекачки запасов нефти на мировой рынок. Игнорировать Иран в этой ситуации практически невозможно. По словам представителей США, они хотели бы видеть достаточно упорядоченное освоение центральноазиатских месторождений в XXI веке, и заместитель госсекретаря Строуб Тэлбот призвал приложить все усилия к тому, чтобы избежать возможных противоречий и конкуренции между великими державами в этой области в следующем столетии.

В этой связи Вашингтон принял решение, что не будет противодействовать плану Турции импортировать газ из Туркменистана по трубопроводу через Иран – первому крупному международному энергетическому проекту Ирана после революции.

Этот проект предусматривает строительство трубопровода для транспортировки газа из Туркменистана в Турцию. 30 июля 1997 года газета «Вашингтон пост» сообщила, что США не будут выступать против постройки трубопровода, по которому пройдут значительные объемы природного газа из Центральной Азии через Иран и Турцию в Европу. По трубопроводу, протяженностью 3200 км и стоимостью в 1,6 млрд. долл., природный газ из Туркменистана пройдет через Северный Иран в Турцию. Затем его путь будет лежать в Европу. По мнению правительства США, этот проект технически не нарушает закон от 1996 года, предусматривающий введение международных санкций против Ирана и Ливии за их поддержку международного терроризма. Иран построит часть трубопровода, проходящего через его территорию, и будет взимать пошлины за транзит. В одной из этих точек трубопровод сможет перегонять и иранский газ. Официальный представитель администрации Клинтона сообщил, что целью согласия на постройку трубопровода было стремление помочь молодым государствам в Центральной Азии – бывшим советским республикам. Он мог бы обеспечить богатые энергетическими ресурсами вновь появившиеся на мировой арене страны путями транспортировки, не пересекающими территорию России.

В то же время госсекретарь администрации Клинтона Мадлен Олбрайт подчеркивала, что не следует ожидать слишком многого от решения администрации президента Клинтона не противодействовать этому проекту, который отнюдь не означает оливковой ветви, протягиваемой Ирану. 30 июля 1997 г. Белый дом заявил, что усилия США, направленные на изоляцию Ирана, остаются неизменными. «Никаких перемен в политике не произошло. Нет никаких сигналов относительно изменения нашей политики в отно-

шении Ирана», – заявила Энн Луззато, официальный представитель президента Клинтона. Она отметила, что администрация США будет продолжать строго следовать закону, который запрещает американским и иностранным компаниям инвестиции, превышающие 40 млн. долл., в развитие энергетического сектора Ирана. Официальный представитель Энн Луззато сказала, что Иран и Куба по-прежнему являются экономически неприкасаемыми и администрация США будет продолжать придерживаться политики, направленной на лишение Ирана ресурсов, необходимых для получения прибыли, которую, как считают США, он использует для поддержки государственного терроризма.

При этом Иран на официальном уровне неоднократно заявлял, что кроме моральной поддержки «Хезболла» никакой финансовой поддержки этому движению, оформившемуся в партию, вошедшую в структуру ливанской власти, Иран не оказывает. Это обстоятельство в еще большей степени может усилить позиции тех американских компаний, которые, как и европейские, готовы вступить в борьбу за контроль над вновь осваиваемыми нефтяными месторождениями.

В заключение представляется возможным сказать следующее. В целом политика американской администрации в середине 90-х годов в отношении ИРИ была неэффективной и во многом определялась внутриполитической ситуацией в США. В первую очередь противоречиями между республиканской и демократической партиями. Внешнеполитические цели по изоляции ИРИ на международной арене не были достигнуты, а санкции отрицательно сказались не только на экономике Ирана, но и на деятельности американского бизнеса в регионе. Поэтому мы в значительной степени можем согласиться с известным английским аналитиком В.Петросяном в том, что «администрация США оказалась пойманной в сети собственной политики в Иране»[12].

---

[1] MEED 35, 1996.

[3] MEED 32, 1996.

[3] MEED 45, 1996.
[4] MEED 40, 1996.
[5] MEED 47, 1996.
[6] Ibid.
[7] Пульс планеты. 30.04.1997.
[8] MEED 35, 1996.
[9] Пульс планеты. 30.04.1997.
[10] Там же, 28.05.1997.
[11] Там же, 22.06.1997.
[12] MEED 35, 1996.

ГЛАВА VII

Иран – США. Конец 90-х годов

В конце 90-х годов США продолжали проводить политику давления на ИРИ, направленную на предотвращение повышения ее роли в регионе.

Необходимо отметить, что в целом администрации Б.Клинтона не удалось путем значительного дипломатического давления удержать другие страны от развития отношений с Ираном. Так, например, в конце апреля 1998 года было объявлено, что англо-голландская компания «Ройял датч Шелл» намерена сотрудничать с Ираном в освоении газового месторождения «Южный Парс» на шельфе Персидского залива с целью экспорта природного газа в Пакистан. Компания, возглавляющая международный консорциум с участием британского, французского и малайзийского партнеров, предполагает подписать соответствующее соглашение с Иранской национальной нефтяной компанией. Помимо разработки двух участков месторождения, проектом предусматривается сооружение 1600-километрового газопровода, который свяжет Иран с пакистанскими городами Карачи и Мултан. Общая стоимость проекта, по данным «Мидл ист экономик сервей», составит 5,7 млрд. долл. Подобное решение «Шелл» о сотрудничестве с Ираном свидетельствует о готовности компании пренебречь антииранскими санкциями, выдвинутыми США. Семью месяцами раньше контракт с иранской стороной на разработку двух других участков «Южного Парса» заключил международный консорциум в составе французской компании «Тоталь», российского «Газпрома» и малайзийской «Петронас». Стоимость этого контракта составляет 2,5 млрд. долл.

Односторонние санкции США, естественно, не могли оказаться эффективными. Неэффективность американских санкций во многом и определила то, что в середине апреля 1998 года США и Европейский Союз приняли решение об

отказе от дискриминационных мер в отношении Ирана. В этой связи мы можем согласиться с мнением представителя иранского министерства иностранных дел о том, что от экономических санкций против Ирана не выиграл никто. Напротив, есть и проигравшие – американские деловые круги, лишившиеся выгодных контрактов[1].

Как мы уже говорили, определенные надежды на смягчение американо-иранских отношений возникли после избрания на пост президента Исламской Республики Иран Хатами, который, несмотря на близость к революционным исламским кругам и семейным связям с высшими религиозными деятелями Ирана, был известен относительно умеренными взглядами, отличающими его от радикально настроенных представителей духовенства, и считался приверженцем определенного изменения подхода в отношениях с Западом. Однако, учитывая историю американо-иранских отношений, мысль о том, что избрание Хатами повлечет за собой быстрое улучшение в американо-иранских отношениях, воспринимается с определенным скептицизмом. Многие ученые вспоминали о том, что избрание Х.Рафсанджани на пост президента в 1989 году связывалось с подобными же ожиданиями. В действительности, хотя Х.Рафсанджани и сделал политику Ирана более умеренной как во внешнем, так и во внутреннем плане, говорить об изменении образа Соединенных Штатов Америки как одного из главных врагов преждевременно.

Представляется небезынтересным остановиться на прогнозе развития отношений между Ираном и США, который был предложен Робином Гайтом и Шолом Бакаши в журнале «Форин полиси» в 1997 году[2]. Оба указанных автора не сомневаются ни в необходимости полного восстановления американо-иранских отношений, ни в том, что это должно произойти в обозримом будущем. При этом они подразделяют данный процесс на несколько этапов. Даже само планирование комплексных мероприятий указывает на масштабность стоящей перед политиками задачи.

Первый этап носит название «Начало раунда». Авторы подчеркивают, что американо-иранские отношения в настоящий момент находятся в тупиковом положении. При этом каждая из сторон ожидает от другой стороны шага навстречу. Поэтому первая фаза должна быть фазой неофициальных контактов, создающих атмосферу доверия между странами. Вот перечень шагов, которые следует, по мнению американских политологов, предпринять в ближайшее время.

Во-первых, снизить частоту антиамериканской и соответственно антииранской риторики в средствах массовой информации. Тегерану следует отказаться от ссылок на «великого сатану» и другие, уже ставшие клише, обвинения в адрес США. Вашингтону же следует прекратить употреблять такие выражения, как «незаконное» или же «инородное государство».

Во-вторых, ослабить ограничения на поездки и контакты неофициальных лиц, закладывающих основы «двусторонней дипломатии». Авторы подчеркивают, что визиты ученых, представителей профессиональных, культурных и неправительственных организаций косвенно будут содействовать контактам с официальными лицами, помогут изменить общественное мнение и улучшить общую атмосферу.

Вторая фаза – «Уничтожение препятствий» – по мнению названных ученых, должна начаться с подписания соглашения, достигнутого либо через третьи страны, либо напрямую относительно серии шагов, направленных на достижение договоренности по наиболее острым вопросам. «Это будет трудоемкий и длительный процесс, поскольку ни одна из сторон с легкостью не пойдет на изменение своей позиции», – пишут американские политологи[3]. Иран должен будет положить конец поддержке терроризма, прекратить саботаж арабо-израильского мирного процесса, прекратить прямо или косвенно поддерживать такие организации, как «исламский джихад» и дистанцироваться от ряда экстремистских исламских группировок. В обмен на эти шаги Соединенные Штаты Америки должны будут разморозить иранские авуары, что длительное время было одним из ос-

новных официальных препятствий для улучшения отношений и критерием, по которому Тегеран собирался судить о намерениях Вашингтона. Поддержать предложение Европейского Союза о начале конструктивных переговоров с Ираном и прекратить давление на Европу и Японию с целью изоляции Ирана и прекратить противодействие западным экономическим кредитам. В статье особо подчеркивается необходимость укрепления дипломатических контактов между Тегераном и союзниками Вашингтона в регионе Ближнего и Среднего Востока. Данная фаза восстановления отношений предположительно должна занять около двух лет. Одним из основных условий для успешного проведения подобных действий внутри самих Соединенных Штатов Америки авторы считают необходимость выработки единой точки зрения между президентом и Конгрессом.

В течение третьей фазы, так называемого «Прямого контакта», намечается возможность провести прямые переговоры между США и ИРИ по важнейшим проблемам. В начале они должны будут проходить на нейтральной почве во время международных форумов. Подобные переговоры должны будут сопровождаться расширением торговых контактов. Правительство США отменит ограничения, запрещающие американским компаниям закупать иранскую нефть, поможет в развитии иранских нефтяных и газовых комплексов. Однако это не будет означать восстановления торговых связей в полном объеме. В течение третьей фазы должны начаться и переговоры по проблемам безопасности региона Персидского залива, распространения как простых, так и ядерных вооружений в Южной Азии и на Ближнем Востоке. В ходе таких переговоров необходимо будет найти точки соприкосновения по наибольшему числу вопросов и пойти на уступки Ирану в области увеличения количества обычных вооружений, но не соглашаться на обладание Ираном ядерным оружием.

Конечный результат предпринятых мер – «Заключительная фаза» – «восстановление в полном объеме торговых и дипломатических отношений», как подчеркивают амери-

канские политологи, произойдет не ранее следующего президентского срока Хатами и прихода к власти следующей американской администрации.

Анализируя развитие отношений между США и Ираном в последние годы, мы не можем не отметить, что ряд факторов вполне укладывается в рамки данного прогноза. Так, например, к апрелю 1998 года Международный суд в Гааге рассмотрел 3 918 взаимных исков США и ИРИ, и на тот момент оставались неурегулированными лишь 34 претензии. Среди пока еще нерешенных вопросов оставалось требование Ирана о компенсации в связи с невыполнением ряда военных заказов, реализация которых прекратилась после того, как в 1979 году в Иране произошла исламская революция. Тегеран с учетом набежавших за эти годы процентов требует 2,8 млрд. долл. за принадлежащее ему военное имущество и снаряжение. Не таким сложным сейчас представляется и вопрос о замороженных иранских авуарах. Как известно, после свержения в Иране шаха в банках США было заморожено 10 млрд. долл. иранских денег. Однако на сегодняшний день Исламской Республике Иран уже возвращено наличными 4 млрд. долл. Остаток же, по некоторым оценкам, сравним с предоставленными монархическому режиму американскими займами и кредитами, которые в свое время погашены не были. По словам Джахроми, советника президента ИРИ по юридическим делам, фактически остаются невыплаченными 5 млн. долл. замороженных в США депозитов иранского внешнеполитического ведомства.

В апреле же 1998 года министры иностранных дел Европейского Союза приняли решение о расширении политических контактов с Ираном. Официальный представитель иранского МИДа Махмуд Мохамади в этой связи заявил, что «шаг навстречу Ирану говорит о реалистическом подходе ЕС и понимании реалий Исламской Республики. Он означает отказ от прежних решений, принятых Европой во многом на основе недостоверной информации об Иране»[4].

А наиболее показательным в этом отношении стало интервью Хатами компании Си-эн-эн в начале 1998 года. Пре-

зидент Ирана заявил, что выступает за диалог между американским и иранским народами, за диалог между цивилизациями и культурами. «Ничто не должно помешать диалогу между двумя странами, в особенности между их учеными и мыслителями», – подчеркнул Хатами, порекомендовав немедленно приступить к научным, культурным и туристическим обменам между Ираном и США. Что касается политической сферы, то тут, по его мнению, в первую очередь следует заняться рассмотрением тех факторов, которые привели к свертыванию отношений между Вашингтоном и Тегераном. «Я уважаю американский народ за его великую цивилизацию», – сказал Хатами. И хотя в этом же интервью президент Ирана отметил, что Соединенные Штаты Америки продолжают жить с менталитетом холодной войны, пытаясь создать образ воображаемого врага, и назвал несправедливыми и бездоказательными обвинения в поддержке Исламской Республикой Иран международного терроризма, которые Тегерану приходится слышать от американской стороны, и осудил США за их тесные связи с Израилем, это выступление стало знаковым моментом в истории американо-иранских отношений после исламской революции 1979 года[5].

Неофициальные контакты между Ираном и США действительно начинали налаживаться. Так, в феврале 1998 года в Иране побывала команда американских борцов, а эксперты США приняли участие в ряде проводившихся в ИРИ международных семинаров и симпозиумов. Эти и подобные им изменения, происходящие в Иране, дали возможность государственному секретарю США Мадлен Олбрайт призвать в июне 1998 года Иран и США наметить маршрут, ведущий к нормализации отношений. «Готов ли Иран к подобным инициативам», – задают вопрос американские политологи и сами же отвечают: «безоговорочное “да”».

Представляется, что полностью согласиться с такими бравыми оптимистическими заявлениями нецелесообразно. Процесс восстановления отношений между Ираном и США будет, на наш взгляд, более длительным и будет находиться

в тесной зависимости от соотношения сил на внутриполитической сцене Ирана. Он не будет идти только в одном направлении – только вперед. Возможно, нам придется стать свидетелями ужесточения на какой-то срок антиамериканских настроений в Иране. Однако это будут временные явления, лишь замедляющие развитие событий.

Примером этому может стать позиция Ирана в период афганского и иракского кризисов, колебания политики в отношении Ирана администрации Буша-младшего. До сих пор проблема этих взаимоотношений не разрешена, но ее разрешение зависит на данном этапе, т.е. в начале XXI века, не столько от внешнеполитического курса Ирана, сколько от США.

---

1 Пульс планеты. 20.05.1998.

2 Форин полиси, №3, 1997.

3 Там же.

4 Пульс планеты. 2.04.1998.

5 Там же. 23.06.1998.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ирано-американские отношения – рубеж веков

Исламская Республика Иран – это крупнейшая страна региона Ближнего и Среднего Востока, обладающая значительными запасами нефти, лежащая на мировых торговых нефтяных путях, владеющая в масштабах региона значительным военным потенциалом, имеющая возможность влиять на ход урегулирования ближневосточного процесса, являющаяся на данном этапе председателем ОИК. Поэтому представляется несколько наивным думать, что США, будучи крупнейшим в мире центром силы, выпустят Иран из сферы своего влияния. Да и для самого Ирана, ряд отраслей промышленности которого зависят от поставки американских запасных частей и технологий, разрыв в отношениях с этой страной далеко не безболезнен. Поэтому представляется возможным сказать, что те отношения, которые сложились между Ираном и США после революции 1978–1979 гг., не являются исторически объективными и во многом находят свое объяснение во внутриполитической и экономической ситуации как в Исламской Республике Иран, так и в Соединенных Штатах Америки.

В самом Иране отношения с Соединенными Штатами Америки являются одним из значительных вопросов, по которому диаметрально расходятся мнения консервативных радикально настроенных кругов и так называемых реформистов-либералов. Реформистам диалог с Америкой представляется вполне возможным. Некоторые кандидаты – сторонники реформ – даже шли на выборы в парламент в феврале 2000 года под лозунгом восстановления отношений с США и предлагали вынести этот вопрос на всенародный референдум. Необходимо отметить, что в результате выборов в парламент сторонники реформаторского изменения курса заняли 58% мест. Весьма симптоматично, что этот факт получил одобрение Государственного департамента США. Так, представитель американского дипломатического ве-

домства Джеймс Рубин заявил, что «США приветствуют результаты выборов в Иране», что они носили исторический характер и выражают стремление иранского народа к свободе, а также создают предпосылки создания новой политической ситуации в Персидском заливе. В русле этих настроений сам президент Хатами выступил с идеей народной дипломатии. С другой стороны, духовный лидер Ирана Али Хаменеи продолжает доказывать, что Америка претендует на мировое господство и не предполагает иметь равноправных отношений ни с одной из других стран.

Тенденции к налаживанию отношений между Ираном и странами западного мира, в том числе и США, стали довольно четко проявляться после выборов президента Хатами. Это был первый лидер Исламской Республики Иран, совершивший поездки в Западную Европу. Он побывал в Италии и Франции.

Этапным моментом в анализе рассматриваемого вопроса стало выступление государственного секретаря США 17 марта 2000 года на конференции Американо-иранского совета в Вашингтоне, на котором присутствовали специалисты по Ближнему и Среднему Востоку из Института Ближнего Востока и школы дипломатической службы при Джорджтаунском университете. М.Олбрайт подчеркнула, что она проходит по личной просьбе президента США и посвящена перспективам улучшения отношений между США и Ираном.

Причины, мешающие в данный момент установлению отношений между США и Ираном, по мнению государственного секретаря США, лежат в поддержке, которую иранское государство оказывает террористическим организациям за пределами Ирана, антиизраильской позиции в вопросе ближневосточного урегулирования и его усилиям по созданию потенциала для производства ядерных вооружений. Избрание президентом Хатами послужило для американского Государственного департамента знаковым моментом. Потому что хотя внешняя политика ИРИ и не менялась, но во внутренней жизни начались изменения.

Администрация США стала поощрять контакты в области культуры, науки и спорта, а также изъявила готовность участвовать в официально санкционированных дискуссиях с Ираном по вопросам, имеющим принципиальное значение для каждой из сторон. «Американцы должны продолжать развивать отношения с иранцами. Мы должны многое узнать об иранцах, а они о нас. Мы должны стараться развивать и расширять обмен между нашими странами. Мы должны привлекать иранских ученых и руководителей гражданского общества к вопросам, представляющим взаимный интерес», – подчеркивает М.Олбрайт[1].

Помимо этого администрация США признала свое участие в свержении в 1953 году популярного премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка и ту отрицательную роль, которую оно сыграло в развитии Ирана, а также осудила свою позицию во время ирано-иракской войны.

Говоря о сферах взаимных интересов между США и Ираном, в которых должно развиваться сотрудничество, госсекретарь назвала следующие: заинтересованность в стабильности в регионе Персидского залива, антииракская позиция обеих стран, обеспокоенность нестабильностью в Афганистане и экспортом наркотиков из этой страны, а также содействие стабилизации отношений между Азербайджаном и Арменией, развитие экономики региона, охрана культурно-исторических памятников и защита окружающей среды.

В целом выступление М.Олбрайт можно назвать не программой действий, а лишь декларацией о намерениях, полной призывов, подобных этому: «Сегодня я от имени правительства и народа США призываю Иран вместе с нами вписать новую главу в нашу новую историю. Давайте открыто признаем наши разногласия и будем стремиться их преодолеть. Давайте признаем наши общие интересы и будем стремиться содействовать им» и т.д.[2] Из конкретных шагов она называет лишь разрешение в 1999 году продажи запасных частей к гражданским пассажирским самолетам, ослабление ограничения на экспорт продовольствия, лекарств и ме-

дицинской техники в страны, подвергшиеся санкциям, в том числе и в Иран. И наконец, торжественно объявила о разрешении американцам покупать и импортировать из Ирана ковры и продукты питания, такие как икра, сушеные фрукты и фисташки.

Одновременно госсекретарь подчеркнула, что в момент ее выступления Конгресс США рассматривал законопроект, который позволял накладывать арест на иранское дипломатическое и прочее имущество в качестве компенсации за террористические акты, совершенные против американских граждан.

Выступление М.Олбрайт вызвало неоднозначную реакцию в ИРИ. Сторонник расширения отношений с США, видный член иранского парламента Хусейн Ансари Рад отметил, что это выступление было мудрым проявлением дипломатического уважения к Ирану и, следовательно, заслуживало позитивного и мудрого ответа. Также положительную оценку дал секретарь Совета по целесообразности принимаемых решений (Согласительного совета) Мохсен Резаи. Он заявил, что наступающий иранский новый год будет иметь большое значение для отношений между двумя странами. По словам Резаи, признание Соединенными Штатами прошлых ошибок в их политике в отношении Ирана и решение ослабить экономические санкции против Тегерана говорят о наступлении новой эры в подходе Вашингтона к Исламской Республике Иран.

С другой стороны, секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ Хасан Роухани назвал решение Вашингтона частично восстановить замороженные много лет назад отношения с Ираном «неприемлемым и отвратительным». Выступая по национальному радио, он подчеркнул, что «мы должны осудить это новое вопиющее вмешательство в наши дела и это отвратительное, неприемлемое заявление». По обнародованному в Иране обращению Корпуса стражей исламской революции, речь М.Олбрайт является попыткой Белого дома спровоцировать кризис в Иране. «Корпус стражей исламской революции сохраняет за

собой право на своевременный и адекватный ответ на такого рода происки. Сейчас, когда американцы так откровенно вмешиваются в наши внутренние дела, весь наш народ и все политические партии должны оказать им должное сопротивление». Духовный руководитель Ирана Али Хаменеи назвал заявление госсекретаря США «лживым». «Иранский народ и его правительство считают Америку своим врагом, так как американская политика в прошлом представляла собой сплошные акты враждебности и предательства», – сказал он.

Необходимо отметить, что официальная реакция министерства иностранных дел Ирана была достаточно сдержанной. В заявлении внешнеполитического ведомства Ирана говорилось, что МИД расценивает снятие Вашингтоном запрета на импорт иранских ковров и продуктов питания как позитивный шаг. При этом было отмечено, что в выступлении М.Олбрайт были как положительные, так и отрицательные моменты. В нем содержались и обвинения в адрес Ирана, и признавались исторические ошибки, допущенные в его адрес.

Несмотря на достаточно явно выраженные противоречия между сторонниками консервативных и реформаторских кругов, в целом представляется возможным охарактеризовать внешнеполитический курс Ирана как стремление играть все более активную роль на международной арене и расширить многосторонние контакты с различными странами. Особенно характерно в этом отношении выступление президента Ирана Мохаммада Хатами на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в сентябре 2000 года с предложением провозгласить будущий год годом диалога между культурами и цивилизациями. По мнению иранского президента, одной из причин выдвижения Ираном идеи диалога между цивилизациями является его исключительное географическое положение – это страна, где «соединяются различные культуры народов Европы и Азии». Как характеризует «диалог между цивилизациями» журнал «Иранз форин полиси», «диалог между цивилизациями – это приглашение к

построению лучшего мира и изменение страданий современного человечества от угнетения, дискриминации и бедности». И далее: «Диалог поможет установить понимание между людьми на основе общечеловеческих ценностей» и установить «всемирную демократию», которая исключает дискриминацию как одного человека другим, так и одного государства другим. За этими несколько расплывчатыми формулировками стоит несомненное желание Ирана налаживать контакты со многими странами мира. О чем свидетельствуют и следующие высказывания президента Хатами: «Искусство иранской дипломатии должно состоять в том, чтобы снизить степень враждебности в международных отношениях и повысить число друзей Ирана, отстаивая основные принципы революции»[3]. Необходимо сказать, что идея этого лозунга была принята и одобрена Организацией Объединенных Наций. А многие западные аналитики восприняли этот призыв как сигнал о том, что конечной целью президента Хатами во внешней политике является нормализация отношений с США.

Несомненно, что под влиянием международного сообщества, и в частности Соединенных Штатов Америки, был смягчен приговор 10 иранским евреям, обвиненным в шпионаже в пользу Израиля. Согласно решению суда в сентябре 2000 года обвиняемым были сокращены сроки заключения. В этой связи необходимо вспомнить, что еще в марте 2000 года в своем выступлении М.Олбрайт выразила озабоченность этим вопросом и обратила на него особое внимание иранского правительства. «Мы будем внимательно следить за судебным процессом и результатами этого процесса, считая их одним из барометров американо-иранских отношений», – подчеркнула она.

Диаметрально противоположные позиции Ирана и США по вопросу ближневосточного урегулирования продолжают и сейчас оставаться одним из основных вопросов, мешающих урегулированию отношений между ними. Свою позицию Иран подтвердил во время визита в Тегеран в августе 2000 года главы Палестинской национальной автоно-

мии Ясира Арафата. В ходе встречи с Арафатом министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази подчеркнул, что «ни один мусульманин не позволит, чтобы святой город оставался оккупированным, и Организация Исламская конференция никому не позволит совершать какие-либо сделки по Иерусалиму». Министр также сообщил, что президент Хатами направил в мусульманские страны делегации, которые должны скоординировать свои действия в поддержку палестинцев и по вопросу Иерусалима. В этом вопросе сходятся позиции как консервативных, так и реформаторских кругов в Иране. Весьма показательно в этом отношении высказывание уже цитировавшегося выше сторонника прагматического подхода к развитию американо-иранских отношений секретаря Совета по целесообразности Мохсена Резаи *: «Тесные связи США и Израиля остаются главным препятствием в деле успешного восстановления американо-иранских отношений. Новый подход США (к Ирану) может быть успешным, только если Вашингтон изменит свою позицию». А руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи, выступая перед иранскими дипломатами, работающими за границей, обрушился с критикой на попытки США спасти мирные ближневосточные переговоры, против которых Иран решительно выступает, заявил, что США пытаются навязать региону свою волю, и полностью исключил возможность восстановления связей с США.

В заключение представляется возможным сказать, что в условиях явного политического противостояния двух направлений в политической структуре Ирана говорить о скором восстановлении отношений между США и Исламской Республикой Иран достаточно рискованно. В первую очередь следует ожидать расширения экономического сотрудничества США и Ирана, тогда как политическое урегулирование займет более длительное время. Иран, на наш взгляд, занимает выжидательную позицию, рассчитывая, что конкретные действия со стороны США (отмена санкций или

* Глава Совета – А.Рафсанджани.

урегулирование оставшихся претензий в Международном суде в Гааге) дадут возможный повод для улучшения отношений. Расширение связей США с Ираном может быть связано и с результатами разрешения как афганского, так и иракского кризисов.

---

[1] Middle East Economic Digest. March 31, 2000, c.23.

[2] Ibid.

[3] The Iranian Journal of International Affairs. Vol. XII, № 1, c.32.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Акт о санкциях в отношении Ирана и Ливии, принятый Конгрессом США

Цели, преследуемые США

– США добиваются снижения угрозы нашим общим интересам, которую представляет поддержка со стороны Ирана и Ливии терроризму и разработке оружия массового уничтожения.

– США выступили за широкое сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе в отношении действий, которые диктуются данными угрозами.

– Нынешние усилия – санкции и торговый контроль – не были достаточными для изменения поведения или отражения данных угроз.

– Хотя мы предпочли бы действовать коллективно в отношении этих угроз, мы готовы к односторонним действиям, но хотим продолжать наши усилия по выработке многостороннего подхода.

– Мы работали с Конгрессом над повышением эффективности и претворения на практике этого законопроекта, а также над тем, чтобы снизить негативное воздействие на отношения с нашими друзьями.

– Хотим особо подчеркнуть, что цель этого правового документа – не наказать наших друзей, а ограничить путем сдерживания иностранных инвестиций имеющиеся у Ирана и Ливии ресурсы для продолжения политики, представляющей угрозу международной системе.

Имплементация

– Настоящий законопроект является необходимым новым шагом в наших усилиях по контролю над неприемлемой и опасной политикой Ирана и Ливии. Нам известны серьезные возражения со стороны наших союзников. Вместе с тем мы убеждены, что этого шага требуют интересы наци-

ональной безопасности. Мы также уверены, что эти меры будут полностью отвечать интересам международной безопасности.

– Внимательное изучение этого правового документа покажет, что его положения ориентированы в будущее. В нем проявлена значительная гибкость, включая инкорпорированные в эти положения полномочия для проведения консультаций. Страны, принимающие дальнейшие субстантивные меры, будут нести ответственность за серьезную угрозу нашим общим интересам в плане международной безопасности. Наращивание международных усилий с целью отражения этой угрозы позволит нам проявить гибкость в максимальном спектре.

– Мы обращаемся к нашим друзьям с настойчивым призывом проследить за нашими шагами по имплементации настоящего акта, прежде чем отреагировать таким образом, что это привело бы к усилению возможных разногласий. При содействии наших союзников мы надеемся избежать действий, которые способны нарушить наше жизненно важное сотрудничество в борьбе против терроризма и распространения (оружия массового уничтожения).

– При имплементации этого нового закона мы будем учитывать наши международные обязательства.

Требования акта

– Настоящий акт требует от президента применения как минимум двух санкций в отношении любого лица, имеющего американскую или иную национальную принадлежность и инвестирующего с момента вступления закона в силу 40 и более млн. долларов США в год в развитие нефтяных ресурсов Ирана или Ливии, если эти инвестиции прямым и существенным образом способствуют развитию этими странами своего нефтяного потенциала.

– Настоящий акт также требует от президента применения как минимум двух санкций в отношении лиц, имеющих американскую или иную национальную принадлежность, нарушающих торговые санкции СБ ООН в отношении Ли-

вии, введенные резолюциями 748 и 883 СБ ООН, когда подобные действия существенно способствуют увеличению потенциала Ливии.

– В настоящем акте содержится положение, позволяющее президенту воздержаться от применения антииранских санкций против граждан или стран, предпринимающих существенные шаги по усилению воздействия на Иран. Если такого не произойдет в течение года с момента вступления акта в силу, подлежащий санкциям финансовый порог для инвестиций в Иран будет снижен с 40 млн.долларов до 20 млн. долларов США.

– В случае, когда президентом будет определено, что какое-либо лицо вовлечено в запрещенную деятельность, он должен применить как минимум две из нижеследующих санкций: 1) запрет на получение помощи от ЭКСИМ банка (EXIM Bank); 2) лишение экспортной лицензии; 3) запрет на получение займов от финансовых институтов США на сумму свыше 10 млн. долларов США в год; 4) запрет на назначение основным дилером по задолженности правительства США и/или запрет на услуги по использованию в качестве хранителя средств правительства США для финансовых институтов, в отношении которых применены санкции; 5) запрет на поставки правительству США; 6) запрет на импорт указанной президентом продукции.

– Президент может снять применение санкций, если сочтет нужным сделать это в национальных интересах Соединенных Штатов.

– Президент может отложить введение санкций на период проведения консультаций с правительствами других стран с тем, чтобы положить конец запрещенной деятельности. Если подобные усилия потерпят неудачу, президент будет обязан ввести санкции.

Настоящий акт требует введения санкций на период не менее двух лет. Вместе с тем по истечении одного года санкции могут быть сняты, если президент сочтет, что подвергшееся санкциям лицо прекратило запрещенную деятельность, и получил при этом заверения, что оно больше не будет сознательно участвовать в подобной деятельности.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Изложение интервью CNN с президентом Исламской Республики Иран Мохаммедом Хатами
7 января 1998 г.

(Подготовлено Агентством новостей Исламской Республики Иран)

Кристиан Аманпур: Господин Президент, месяц назад Вы объявили, что имеете историческое послание, которое хотите донести до американского народа. Я понимаю это так, что послание будет иметь форму короткого обращения, а затем мы обсудим его содержание.

Президент Хатами: Именем Аллаха Милостивого, Милосердного.

Прежде всего, мне хотелось бы поздравить всех свободных и достойных мужчин и женщин, особенно последователей Иисуса Христа (да пребудет мир с Ним), по случаю Нового года. Я воспринимаю как хороший знак совпадение христианского Нового года с исламским месяцем Рамазан, месяцем назидания и самоограничения, которые были целью всех божественных пророков.

Мы стоим накануне завершения XX века, оставив позади себя столетие, наполненное неравенством, насилием и конфликтами. Мы молимся Всемогущему, чтобы он сподобил нас вступить в век гуманизма, понимания длительного мира, которые могли бы обеспечить человечеству возможность наслаждаться благами жизни. Еще раз я хочу обратиться с поздравлениями ко всем последователям Иисуса Христа, ко всем людям и, особенно, к американскому народу.

Я говорил раньше, что уважаю великий американский народ. В течение имеющегося короткого времени я хочу сделать краткий анализ американской цивилизации, но таким образом, чтобы мои замечания не были воспри-

няты как пример политической лакировки или как простая игра слов.

Американская цивилизация заслуживает уважения. Если мы оценим корни этой цивилизации, ее значение предстанет как еще более очевидное. Как вы знаете, в Плимуте, Массачусетс, есть скала, которая уважается и почитается всеми американцами. Секрет американской цивилизации кроется в этой скале. В начале XVIII века 125 мужчин, женщин и детей, покинувших Англию в поисках незанятых земель, чтобы основать высшую цивилизацию, высадились на той скале. Причина того, почему американский народ с уважением относится к этой скале, состоит в том, что она была местом, где впервые высадились пуританские переселенцы. С той поры американцы отмечают последний четверг ноября как День благодарения, обращаясь с благодарностью к Господу за тот успех, что был ниспослан им. Американская цивилизация покоится на видении, образе мышления и представлениях пуритан. Конечно, и другие, например, авантюристы, искатели золота и даже морские пираты также осели в США. Но американская нация никогда не праздновала их прибытия и никогда не рассматривала их как основоположников своей цивилизации. Пуритане образовали религиозную секту, чье видение и характерные черты наряду с поклонением Богу находились в гармонии с республиканизмом, демократией и свободой. Они считали, что европейский климат слишком рестриктивен для того, чтобы они могли воплотить свои идеи и мысли.

К сожалению, в XVI, XVII и даже в XVIII вв. имели место серьезные столкновения между религией и свободой. По моему мнению, одна из величайших трагедий человеческой истории заключается именно в этой конфронтации между религией и свободой, что нанесло ущерб и религии, и свободе, и самим людям, которые достойны иметь и то и другое. Пуритане стремились к системе, которая соединяла бы в себе поклонение Богу и человеческое достоинство и свободу.

Эта цивилизация была основана в Новой Англии и оттуда постепенно распространилась на всю Америку. Этой цивилизации пришлось вступить в борьбу с некоторыми негативными явлениями, породившими рабство в ряде штатов, и одержать окончательную победу над рабством. Много жертв было принесено на алтарь этого дела, и самой знаменитой из них была фигура Авраама Линкольна – сильного и честного американского президента.

Эта цивилизация лучше всего описана известным французским социологом Алексом Токвиллем, который в XIX веке провел два года в США и написал ценную книгу под названием «Демократия в Америке», известную, как я полагаю, большинству американцев. Эта книга отражает добродетельные и гуманитарные стороны американской цивилизации. С этой точки зрения значение этой цивилизации состоит в том, что свобода обрела религию как колыбель для своего развития, в то время как религия нашла защиту в свободе как свой божественный призыв. Поэтому свобода и вера никогда не вступают в конфликт между собой. И, как мы видим, даже сегодня американцы остаются религиозными людьми. Поэтому англо-американский подход к религии покоится на том принципе, что религия и свобода совпадают и являются совместимыми. Я убежден, что, если человечество стремится к счастью, оно должно сочетать в себе религиозную духовность и добродетели свободы.

Именно по этой причине я говорю о том, что уважаю американскую нацию за созданную ею великую цивилизацию. И это уважение обязано двум причинам: духу и столпам англо-американской цивилизации и диалогу между цивилизациями.

Вы осведомлены о великом наследии иранской нации с ее славной цивилизацией и культурой. Славная иранская цивилизация соотносима с греческими городами-государствами и Римской империей. После прихода ислама иранцы ревностно восприняли его. Смесь иранского таланта и величие исламского учения были чудом. Не имея намерения отрицать участие других наций в формировании исламской

цивилизации, я убежден, что великая иранская цивилизация сыграла основную роль в развитии и продвижении исламской системы.

За последние два столетия иранская нация стремилась добиться свободы, независимости и обрести достойный образ жизни. Конституционное движение появилось в Иране столетие назад наравне с непрерывной борьбой против колониализма. Очевидно, что исламская революция имела и должна иметь два направления. Первое было связано с интерпретацией религии, которая объединяла религиозность со свободой. Конечно, сейчас, по прошествии четырехсот лет с момента возникновения американской цивилизации, человеческий опыт учит нас, что процветающая жизнь должна опираться на три основы: религиозность, свободу и справедливость. Таковы основные ценности и устремления исламской революции накануне XXI века.

В рамках цивилизационного диалога мы стремимся извлечь пользу от достижений и опыта всех цивилизаций, как западных, так и незападных, и поддерживать диалог с ними. Чем ближе стоят друг к другу основы и дух этих двух цивилизаций, тем легче будет диалог между ними. В условиях нашей революции мы переживаем новую фазу восстановления цивилизации. Мы чувствуем, что то, что мы ищем, – это то же самое, что стремились обрести основатели американской цивилизации четыреста лет назад. Вот почему мы ощущаем интеллектуальное родство с духом американской цивилизации.

Второе состоит в том, что здесь есть элемент свободы. Американская нация была предвестником борьбы за независимость, инициатором усилий по установлению независимости, ради которой она и принесла большие жертвы, неустанно стремясь к своей Декларации независимости, ставшей важнейшим документом человеческого достоинства и прав.

Наконец, я хочу обратиться к борьбе иранского народа, которую он осуществлял в течение двух веков и которая достигла своей кульминации в порыве к независимости во

время исламской революции, инициированной имамом Хомейни. Когда имам Хомейни начал революцию, Иран находился в ужасающих условиях. Другими словами, иранская нация была унижена, ее судьба решалась другими. Вы знаете, что замечательной чертой борьбы имама Хомейни было его неприятие капитулянтства, которое шах вынужден был признать, предоставив американским советникам иммунитет. Это было худшее унижение для нашего народа. Он восстал, стал бороться за независимость и вышел победителем. Конечно, революционная война велась словом, а не оружием. Поэтому мы старались обрести новый опыт религии и добиться независимости. Обе эти черты присущи американской цивилизации, и мы ощущаем близость к ним.

Но здесь мне хотелось бы выразить сожаление по поводу случившейся трагедии. К несчастью, действия американских политиков за пределами Соединенных Штатов за последние полвека с момента окончания второй мировой войны несовместимы с американской цивилизацией, которая основывается на демократии, свободе и человеческом достоинстве. Нам очень хотелось бы, чтобы те, кто осуществлял иностранную политику, были представителями выдающейся американской цивилизации, той цивилизации, которая была построена большой ценой, но не представителями тех авантюристов, которые были сметены самим американским народом.

Эта ущербная политика доминирования имела три негативных момента. Один заключался в серьезном ущербе, который она нанесла униженным и оскорбленным нациям, включая нашу. Другой состоял в том, что она подорвала надежду людей в колониальном мире, которые с доверием относились к американской традиции борьбы за независимость. Когда политика доминирования стала проводиться в жизнь от имени американского народа, нации утратили доверие к американцам. В этом находит отражение огромный ущерб, который был нанесен американской политикой американской нации. Третий, и самый важный, момент усматривается в том, что все, что делалось, совершалось от име-

ни великого народа, поднявшегося к высотам свободы. Я полагаю, что американские политики должны осознать этот факт и приспособиться к стандартам англо-американской и американской цивилизации и, по меньшей мере, извиниться перед собственным народом за совершенные деяния.

Аманпур: Господин Президент, Вы говорили об извинениях, Вы говорили о недавней истории и о великих цивилизациях. Вы сказали, что хотите воспользоваться этим интервью, чтобы направить послание американскому народу. Я жил в Америке и знаю отношение среднего американца к Ирану и тем посланиям, которые исходили из Ирана в последние двадцать лет. Это касается заложников, призывов типа «смерть Америке», фактов сжигания американского флага, действий, которые могли восприниматься как объявление исламом войны Америке и Западу. Позвольте мне сначала задать вопрос о кризисе с заложниками, который запечатлелся в сознании каждого американца. Как в каждой революции, в коммунистической революции в России, во Французской революции, может быть, даже в американской революции начальный период содержал многочисленные эксцессы. Могли бы Вы сказать, что взятие американских заложников в начале иранской исламской революции относится к категории ранних революционных эксцессов?

Президент Хатами: Спасибо за Ваш вопрос. Я полагаю, что прежде всего мы должны анализировать события в рамках соответствующего контекста и с осторожностью. Образ ислама, который был представлен, и я не хочу здесь обвинять кого-нибудь, является ошибочным. Ислам является религией, которая призывает все человечество, независимо от религиозных убеждений и верований, к рациональности и логике. Ислам приглашает последователей всех божественных религий объединиться вокруг поклонения Богу, а мусульман – к братству. Ислам, который мы знаем и практикуем, лежит в основе нашей революции, опирающейся на признание за всеми человеческими созданиями права на определение своей собственной судьбы. Он прокламирует, что отношения между нациями должны опираться на логику и

взаимное уважение. Такой ислам не может быть враждебным по отношению ни к одной нации, ни к одной религии. Он взыскует диалога, понимания и мира со всеми нациями. Одно из основных упущений, допущенных в международной политике США, которое я толковал как отставшее от времени, состоит в том, что они продолжают жить, сохраняя менталитет холодной войны, и пытаются создать образ врага. Здесь я не хочу наносить обиду кому-либо. Я знаю, что есть совсем немного мудрых и здравомыслящих государственных мужей в Соединенных Штатах, но в результате сложных переплетений внутри американской политики эта политика формулируется таким образом, что продолжает оставаться пленником ментальности, присущей временам холодной войны. После обрушения коммунизма были попытки со стороны определенных кругов представить ислам как нового врага, и, к сожалению, они избрали своей целью прогрессивный ислам, а не некоторые регрессивные интерпретации ислама. Они подвергли атаке тот ислам, который стремится к демократии, прогрессу и развитию, ислам, который призывает к освоению достижений человеческой цивилизации, включая и западную.

Что касается вопроса о заложниках, который был поднят Вами, я абсолютно точно знаю, что чувства великого американского народа были задеты, и я сожалею об этом. И все же, такие же чувства были затронуты, когда тела молодых американцев доставлялись из Вьетнама, и американский народ никогда не обвинял вьетнамский народ, но обвинял своих собственных политиков, втягивавших свою страну и ее молодежь во «вьетнамское болото». Давление, оказанное американским народом, положило конец этой бессмысленной и бесчеловечной войне. Фактически, американский народ собственноручно остановил эту войну.

Чувства наших людей были серьезно оскорблены американской политикой. И, как Вы отметили, в пылу революционной лихорадки случаются вещи, которые не могут в полной мере рассматриваться и трактоваться по обычным меркам. Это был народный вопль протеста против унижения и

неравенства, навязанных политикой Соединенных Штатов и других стран, вырвавшийся в первые дни революции. Милостью Божией, сегодня наше обновленное общество приняло институционализированные формы, мы имеем всенародно избранное дееспособное правительство и уже нет необходимости в том, чтобы выражать наши позицию и озабоченность необычными способами. Я убежден, что когда присутствует логика, особенно если есть способные к восприятию уши, то тогда нет необходимости в чем-то другом, кроме разговоров, обсуждений, диалогов.

Аманпур: Итак, Вы говорите, что, несмотря на обиды, о которых Вы рассказали, если бы вам пришлось проделать все это еще раз, осуществил бы это Иран по иному в то время. Был ли это эксцесс?

Президент Хатами: Как я сказал, все должно подвергаться анализу в рамках соответствующего контекста. События тех дней должны рассматриваться в контексте революционной лихорадки и того давления, которому подвергалась иранская нация, что вынуждало ее искать пути для выражения своей обеспокоенности и отношения к окружающему. Сегодня мы находимся в периоде стабильности и полностью привержены всем нормам поведения, регулирующим отношения между нациями и правительствами.

Аманпур: Еще один вопрос по этому поводу. Вы говорите о праве закона, захватывая посольство, удерживая заложников более года, нарушаете традиции дипломатического иммунитета. Несмотря на претензии, существующие между странами, дипломатический иммунитет всегда был священным. Я вновь спрашиваю Вас, думаете ли Вы, что это был один из ранних эксцессов первых лет революции?

Президент Хатами: Во время войны многие установления мирного времени оказываются подорванными. Революции – это также разновидность войны. К сожалению, американские политики, вместо того чтобы считаться с реалиями нашей революции, продолжали поддерживать шаха, который был врагом иранской нации, и таким образом вступили в конфронтацию со всем населением. В то время многие

правительственные институты не были сформированы. Как Вы знаете, как только был создан первый парламент, покойный имам Хомейни вверил решение вопроса народным представителям, что и было сделано весьма быстро.

Аманпур: Вы утверждаете, что американцы ищут врага и что многое из того, что сказано и что ощущается ими, – всего лишь игра воображения. Но американцы говорят, что они имеют достаточно оснований как-то опасаться Ирана из-за того, что в течение последних двадцати лет до Вашего избрания иранские официальные лица говорили и делали. Как я говорил, американцы воспринимают дело таким образом, что Иран ассоциируется с неким подобием экстремизма, проповедующим войну против Запада, особенно против Соединенных Штатов. Вы говорите о новой главе, Вы говорите о прагматизме, реальностях сегодняшнего мира. Что Вы можете сказать среднему американцу сегодня вечером, чтобы убедить его в том, что Ваш Иран – новый Иран, другой Иран?

Президент Хатами: Конечно, я не говорил, что американцы проявляли враждебность к нашему народу или имели столкновения с ним. Наша нация никогда не ссорилась с американским народом. Я говорил о некоторых американских политиках, которые на протяжении многих лет демонстративно выказывали враждебность к нам. У нас есть длинный список примеров вмешательства США в дела иранской нации до и после победы нашей революции. Наша великая нация чувствовала себя униженной. И если имели место какие-то чрезмерные реакции, я уверен, что они были несущественными по сравнению с теми несправедливостями, которые чинились по отношению к иранскому народу. Конечно, в каждой революции возникают проблемы, которые должны решаться как революционные. Значительным достижением для нашей нации является тот факт, что в течение года после победы исламской революции наша страна приняла конституцию и сформировала демократические институты. Милостью Божией, сегодня все дела страны ведутся в русле закона. Как я уже заявлял, и во внутренних и

во внешних делах мы будем стремиться к тому, чтобы во всех отношениях усиливать законное начало.

Аманпур: Господин Президент, средний американец знаком только с одним имиджем Ирана, навеянным лозунгом «смерть Америке», сжиганием американского флага. Говоря о заложниках, Вы упомянули о новой главе в отношениях между народами мира. Что Вы можете сказать слушающему Вас сегодня американцу, чтобы доказать, что Ваш Иран – это новый Иран или другой Иран?

Президент Хатами: Я говорю, что эти моменты должны быть исследованы с необходимым учетом их коренных причин и разных обстоятельств. В Иране выкрикиваются лозунги. Но Вы, как журналист, можете спросить всех тех, кто выступает с лозунгами, направляют ли они их против американского народа? И они все ответили бы Вам, что нет. Мы не только не таим зла на американский народ, но мы действительно считаем его великой нацией. Мы даже не рассматриваем в качестве своей цели разрушение или подрыв американского правительства. Эти лозунги символизируют желание покончить с тем характером отношений, которые существуют между Ираном и Соединенными Штатами. Это реакция на серьезный выпад бывшего министра обороны США, заявившего, что иранская нация должна быть искоренена. Это также реакция на покушение на иранский авиалайнер, из-за которого погибли 300 ни в чем неповинных человек, в основном женщины и дети. Даже если посчитать, что выстрел был случайным, награждение командира американского военного корабля, ответственного за трагедию, лишь добавило оскорбления к ране.

Сюда же можно отнести недавнее выделение Конгрессом США 20 млн. долл., чтобы свалить иранское правительство. Наш народ считает, что собственная внешняя политика США нацелена на подрыв собственных усилий и на борьбу против самих же себя. И действительно, они хотят смерти этих отношений. Никто не имеет намерения нанести оскорбление американской нации, и мы даже рассматриваем правительство США в качестве легитимного и законного

представителя своего народа. Наши возражения относятся к типу отношений, при которых наша нация подвергается унижению и подавлению. Например, я сам не согласен с сожжением американского флага, являющегося национальным символом, что затронуло коллективные чувства нации. Насколько я знаю, лидер революции и другие представители власти также не испытывают удовлетворения от такой практики. Могут совершаться действия, на которые не было получено нашего согласия. И все же я уверен, что те, кто совершил такие действия, не имели намерения оскорбить американский народ. И мы надеемся, что акции, которые могут быть расценены как противные американскому народу и нации, не будут иметь места.

Аманпур: Вы сказали, что хотите обратиться к американскому народу. Готовы ли Вы, при возможности, сесть и вступить в диалог с американским правительством по вопросам, которые Вы только что упомянули вечером и которые разделяют и разъединяют вас?

Президент Хатами: Прежде всего, ничто не должно препятствовать диалогу и пониманию между двумя нациями, особенно между их учеными и мыслителями. Прямо сейчас я рекомендую начать обмен профессорами, писателями, учеными, артистами, журналистами и туристами. Большое число образованных и достойных иранцев ныне проживает в США как представители иранской нации. Это указывает на отсутствие враждебности между двумя нациями. Но диалог между цивилизациями и нациями отличается от политических отношений. Относительно политических отношений мы должны принимать во внимание факторы, которые ведут к разрыву таких отношений. Если в какой-то из дней возникнет другая ситуация, мы со всей определенностью должны будем рассмотреть ее корни и относящиеся к делу моменты и попытаться устранить их.

Прежде всего, я должен заявить, что внешняя политика США по отношению к Ирану нанесла нам ущерб. Но она также имела и положительный эффект. Она заставила нас в значительной мере сфокусироваться на наших внутренних

возможностях и ресурсах, чтобы продвинуться вперед к нашим целям. И сейчас мы также не чувствуем нужды в связях с США в связи с тем, что современный мир столь многообразен и плюралистичен, что мы можем достичь наших целей и без американской помощи. Я абсолютно убежден, что многие прогрессивные страны, включая европейские, значительно более продвинуты в их внешней политике, чем Соединенные Штаты. Мы решаем свои собственные задачи и не испытываем потребности в связях с США.

Но дело в том, что политическое поведение правительств не должно лишать наций права пользоваться возможностями, обеспечиваемыми каждой стороной. Между нами и американской администрацией существует огромная стена недоверия, и это недоверие уходит своими корнями в неправильное поведение американских правительств. В качестве примера такого поведения США сошлюсь на доказанное вмешательство американского правительства в события, связанные с переворотом 1953 года, которые привели к падению национального правительства Мосаддыка, за чем немедленно последовало предоставление займа в 45 млн. долл. для поддержки непопулярного правительства, образованного с иностранной помощью. Сошлюсь также на закон о капитуляциях, навязанный США Ирану.

Отношение к нам со стороны США после победы революции не было цивилизованным. Они придерживались враждебной политики, направленной против Ирана. Они стремились нанести нам экономический ущерб, ярким примером чего является акт Д'Амато, который представляет собой не более чем проявление менталитета, свойственного холодной войне, и демонстрирует неспособность оценить реалии до такой степени, что США даже пытаются навязать свою волю другим государствам, не исключая европейские и Японию, или ассигнуют уже упоминавшиеся 20 млн. долл., чтобы свергнуть иранское правительство.

Успех революции дорого обошелся нашей нации. И США внесли основную лепту в ту плату, которая была взвалена на плечи иранской нации. Между нами существу-

ет большое недоверие. Если переговоры не будут строиться на взаимном уважении, они никогда не приведут к положительным результатам. Условие таково, что американская внешняя политика должна отказаться от своей механистической рациональности и прекратить рассматривать других как инструмент. США должны уважать права каждого и придерживаться подхода, основывающегося на коммуникативной рациональности, присущей американской цивилизации.

Сначала в стене недоверия должна образоваться трещина, которая откроет путь к изменениям и создаст возможности изучить новую ситуацию. К сожалению, поведение американского правительства в прошлом и в настоящем всегда усиливало обстановку недоверия, и мы не видим никаких признаков изменения этого поведения.

Мы стремимся к миру, в котором непонимание будет преодолено. Нации могут понимать друг друга, взаимное уважение и логика могут управлять отношениями между государствами. Каждая нация имеет право придерживаться своих принципов и ценностей и рассчитывать на уважение и понимание со стороны других.

Аманпур: Чтобы достичь той степени доверия, о которой Вы говорите, и строить отношения, по Вашим словам, на трезвом расчете, не стоит ли кому-нибудь сесть и обсудить разделяющие моменты, особенно если правительство Соединенных Штатов заявило, что оно хотело бы начать диалог с уполномоченным членом иранского правительства по этим вопросам?

Президент Хатами: Любые переговоры, в которых одна сторона будет считать себя абсолютно правой и выдвигать обвинения против другой стороны, которая, между прочим, пострадала от огромной несправедливости, не могут привести к каким-либо положительным результатам. Предпосылкой любых переговоров является доверие, но, к сожалению, отношение правительства США далеко не благоприятствует появлению минимального доверия, необходимого для нас. Я надеюсь, что мы будем в состоянии заметить основ-

ные изменения в поведении тех, кто делает американскую внешнюю политику.

Аманпур: Куда же тогда ведет этот диалог, это послание к народу Соединенных Штатов?

Президент Хатами: Когда я говорю о диалоге, я имею в виду общение между цивилизациями и культурами. Такой диалог должен вестись мыслителями и интеллектуалами. Я убежден, что все двери должны быть ныне открыты для таких контактов, для понимания, и возможности для общения между американцами и иранскими гражданами должны стать осязаемыми таким образом, чтобы с помощью более широкого понимания между двумя нашими нациями было обеспечено лучшее будущее для двух стран и наций.

Аманпур: Позвольте мне затронуть некоторые специфические вопросы, касающиеся народа Соединенных Штатов. Как Вы знаете, многие американские эксперты утверждают, что имеется более чем достаточно свидетельств того, что кое-кто среди иранских властей, иранских официальных деятелей оказывают не только политическую и моральную поддержку организациям, которые совершают террористические акты, завершающиеся смертями ни в чем неповинных женщин и детей. Если бы Вам были представлены доказательства и свидетельства того, что какой-то иранец участвовал в этом виде финансовой поддержки или подобном акте, что бы Вы стали с этим делать?

Президент Хатами: Видите ли, это еще один пример тех проблем, которые существуют между нами и Соединенными Штатами. Они прежде всего выдвигают несправедливые и недостаточные обвинения против вас. И когда они предлагают переговоры, они говорят, что мы хотим вести диалог с вами об этих весьма малообоснованных обвинениях. Они действительно хотят вывести другую сторону на процесс.

Позвольте мне высказать Вам это. Мы верим в Священный Коран, который гласит: «Убийство одной невинной жертвы равносильно уничтожению всего человечества». Как может такая религия и те, кто объявил себя последова-

телями ее, быть вовлеченными в убийство неповинных людей, в уничтожение невинных человеческих существ? Мы категорически отвергаем все эти утверждения.

Во-вторых, логика истории доказала, что насилие не является тем путем, который может привести к желаемому результату. Я лично убежден, что только те, кто лишен логики, прибегают к насилию. Терроризм должен быть осужден в любых своих формах и проявлениях; убийцы также должны быть осуждены. Как бы там ни было, терроризм бесполезен, и мы его категорически осуждаем. Тем, кто выдвигает против нас эти обвинения, можно посоветовать представить точные и объективные доказательства, которые на самом деле не существуют.

В любом случае, и это, подобно нам, признается Объединенными Нациями, существует четкое различие между терроризмом и убийством неповинных людей, с одной стороны, и законным правом бороться против агрессии и оккупации – с другой. Наиболее уродливая форма терроризма в нашем мире – государственный терроризм, и недавним примером, свидетелями которого мы все являемся, была террористическая попытка Израиля убить политического деятеля в Иордании.

Если мы честно ищем способы искоренить терроризм, мы должны выявить корни такой нелогичной реакции во всем мире. Такие корни, как унижение наций, оккупация их территорий и нарушение их прав. Все человечество должно действовать в унисон и с пониманием, чтобы выступить против такого уродливого явления, как терроризм, будь то государственный или какой-нибудь другой.

Аманпур: Господин Президент, я не хочу сравнивать Иран с другими странами. Множество событий произошло еще до Вашего президентства, и я не обвиняю Вас и не прошу ответа. Но все же мой вопрос очень простой. Если бы Вы получили доказательства того, что какое-то официальное иранское лицо использовало какой-то иранский фонд, чтобы одарить или финансировать какую-то группу или че-

ловека, вовлеченного в террористическую деятельность, наказали бы Вы такое лицо или группу лиц?

Президент Хатами: Конечно, если бы я узнал о любом примере подобного содействия терроризму, я бы принял меры, и точно так же поступил бы наш лидер и вся наша система. В то же время поддержка людей, борющихся за освобождение своей земли, не является, по моему мнению, поддержкой терроризма. По сути, это поддержка тех, кто борется с государственным терроризмом.

Аманпур: Невзирая на мотивы, считаете ли Вы, что убийство невинных женщин и детей, как это случилось в Израиле, является терроризмом?

Президент Хатами: Это действительно так. Любая форма убийства неповинных мужчин и женщин, которые не вовлечены в конфронтацию, есть терроризм. Он должен быть осужден, и мы, в свою очередь, осуждаем любую его форму.

Аманпур: Поэтому не издадите ли Вы приказ, запрещающий иранским официальным лицам или организациям использовать иранские фонды в любой форме или манере, чтобы оплачивать или финансировать любую группу, которая совершает акты терроризма? Издадите ли Вы приказ, запрещающий подобную практику?

Президент Хатами: Никогда не было таких случаев, когда бы от меня требовали издать приказ, и я абсолютно знаю, что иранский народ и правительство против терроризма и никогда не поддерживали каких-либо террористов.

Аманпур: Итак, Вам не хотелось бы говорить, что Вы просто заявляете, что неправомочно использовать любой иранский фонд в такого рода ситуациях?

Президент Хатами: Именно по этой причине мы осуждаем ассигнование Соединенными Штатами 20 млн. долл. на саботаж и свержение иранского правительства. Совершенно очевидно, что это – террористическая мера. Мы никогда не прибегаем к таким мерам.

Аманпур: По поводу американцев, утверждающих, что они располагают донесениями о том, что иранские офици-

альные представители за рубежом регулярно привлекаются к слежке за американцами, такой слежке, которая может рассматриваться как акция, предшествующая покушению. Считаете ли Вы, что это соответствует действительности?

Президент Хатами: Я это категорически отрицаю. Не было таких попыток, направленных против американцев за рубежом, или какого бы то ни было слежения за Соединенными Штатами; мы открыто реагировали на такие утверждения, и я думаю, что такие обвинения предназначены для того, чтобы оправдать некоторые возможные меры, которые они продумывают. С нашей стороны не было никаких новых поползновений, никаких особых мер по отношению к Соединенным Штатам на внешней арене. Это еще один ложный слух, распространяемый теми, кто держит зло против нас.

Аманпур: По поводу ближневосточного мирного процесса Иран утверждал, что он не согласен с таким ходом событий. Ясир Арафат был избран представителем палестинского народа, он отвергает вооруженную борьбу как средство достижения своих законных целей и согласился пойти на мирный процесс. Как Вы думаете, это приемлемо для какой-нибудь иностранной державы – оказывать поддержку группам, которые борются против Ясира Арафата, группам, подобным Хамас и другим?

Президент Хатами: Прежде всего, мы заявили о нашей оппозиции ближневосточному мирному процессу, потому что мы уверены в том, что он не увенчается успехом. В то же время мы открыто заявили, что не собираемся навязывать нашу точку зрения другим и становиться на их пути. По нашему мнению, все палестинцы имеют право выражать свое отношение к своей земле, включая миллионы палестинцев диаспоры. Они также имеют право на самоопределение. Только тогда придет прочный мир. Мы добиваемся мира, при котором евреи, мусульмане и христиане и, конечно, всякий и каждый палестинец смогут свободно определять свою судьбу. Мы готовы внести вклад в достижение такого мира.

Но позвольте мне немного подробнее остановиться для американского народа на моем подходе к ближневосточной политике США. Антисемитизм на самом деле является западным явлением. Он не имеет прецедента в исламе или на Востоке. Евреи и мусульмане жили в согласии на протяжении веков. На Востоке были деспотизм и диктатуры, но никогда не было фашизма или нацизма. Эти два явления также западного происхождения, и Запад дорого заплатил за борьбу с ними.

Меня трогает то, что, во-первых, западный антисемитизм превратился в инструмент для навязывания целого набора неверных политических шагов и практических действий народам Ближнего Востока и мусульманам в целом. Во-вторых, я озабочен тем, что эта западная дилемма может быть спроецирована на любое место, и в связи с тем, что фашизм и нацизм подавляются на Западе, они могут воскреснуть в западной политике в другом обличье в каком-нибудь ином месте.

Очевидно, что Вашингтон является столицей Соединенных Штатов, где должны приниматься решения, касающиеся американских национальных интересов. Тем не менее, впечатление народов Ближнего Востока и вообще мусульман таково, что определенные внешнеполитические решения США фактически вырабатываются в Тель-Авиве, а не в Вашингтоне. Я с сожалением говорю, что неверная американская политика неограниченной поддержки агрессии со стороны расистско-террористического режима не служит не только интересам США, но и самого еврейского народа. Сионисты составляют небольшую часть еврейского народа и открыто заявляют и подтверждают на практике, что они экспансионисты. Непримиримость Израиля в текущем мирном процессе и его неспособность решать свои собственные задачи раздражают даже союзников США в регионе. С моей точки зрения, мир может установиться на Ближнем Востоке только тогда, когда все палестинцы, евреи и мусульмане смогут определить будущее своей земли. В этом должны участвовать как те, кто живет в Палестине, так и беженцы,

разбросанные повсюду. Многие в мире могут разделить нашу точку зрения, но многие могут и не согласиться с нами. Мы просто делимся нашим мнением и испытываем глубочайшее уважение ко всем палестинцам, которые обеспокоены будущим Палестины. В то же время мы верим, что Соединенные Штаты не станут рисковать своим престижем и доверием американского народа, поддерживая расистский режим, который не пользуется популярностью даже у еврейского народа.

Природа ближневосточного мира такова, что требует трезвого и прагматичного анализа. Мы считаем, что он не будет иметь успеха, потому что он несправедлив и не нацелен на удовлетворение прав всех участников в одинаковой мере. Мы готовы внести свой вклад в международные усилия, чтобы добиться справедливого и устойчивого мира на Ближнем Востоке.

Аманпур: Господин Президент, Вы знаете, что предметом озабоченности Запада является иранская ядерная программа. Как Вы считаете, возможно ли, чтобы успокоить страхи Запада, рассмотреть с Вашей стороны вопрос о подключении к специальному соглашению с Агентством по атомной энергии в связи с особой ситуацией для ее отслеживания, если это смягчит опасения людей, с которыми, по Вашим словам, Вы хотите вести диалог?

Президент Хатами: Мы являемся участниками Договора о нераспространении ядерного оружия. Официальные представители Международного агентства по атомной энергии инспектировали наши установки в Иране несколько раз и публично заявили, что мы не планируем создания ядерного оружия, а лишь стремимся к тому, чтобы использовать ядерную энергию в мирных целях. Иронией выглядит то, что те, кто так озабочен спасением человечества от ядерного оружия, безоговорочно поддерживают Израиль, который является ядерной державой и не желает присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия или принять гарантии Международного агентства по ядерной энергии, и в то же время выдвигают претензии к Ирану, который

даже был не в состоянии завершить строительство своей первой ядерной станции, начавшееся еще до революции. Все это – предпосылки для навязывания Ирану и региону определенной линии, чтобы создать панику и вызвать недоверие. Мы не являемся ядерной державой и не намереваемся стать таковой. Мы приняли гарантии Международного агентства по атомной энергии, и наши объекты на регулярной основе инспектируются этим агентством.

Аманпур: Вы полагаете, что Запад, страны, которые боятся Ирана, будут чувствовать меньший страх, если Вы станете более открытыми или, может быть, подобно тому, как это сделали другие страны, разработаете совместно с атомным агентством специальную мониторинговую программу? Это то, что Вы могли бы рассмотреть?

Президент Хатами: Такой процесс уже имеет место и ныне мониторинг осуществляется. Поэтому нет оснований для опасений. Мы – люди логики и переговоров, и мы убеждены, что с нашей логикой и с помощью диалога с другими мы сможем добиться понимания.

Аманпур: Господин Президент, давайте поговорим о самом Иране. Как ни смотри, Вы – сюрприз, Ваше избрание было сюрпризом, то, что Вы говорите и что сделали после того, как были избраны, стало новым началом в диалоге с иранским народом. 70– 80% населения отдали за Вас голоса и взирают на Вас. Кажется, есть сдвиг в направлении свободы, открытости, права закона и всего того, о чем Вы говорили. Как Вы оцениваете этот сдвиг?

Президент Хатами: Думаю, чуть скромнее, чем те, кто голосовал за меня. Выборы показали, что пропагандистская кампания против Ирана была проиграна. Наш народ вполне зрелый, и, к счастью, революция дала ему способность различать. Во всяком случае, разные платформы были представлены, и люди сделали свой выбор. Я горжусь тем, что был избран этой достойной нацией, и рассчитываю выполнить свои предвыборные обещания, в которых отражено коллективное желание иранской нации.

Аманпур: До сих пор еще кажется, что внутри общества было нечто вроде конфронтации. С одной стороны, множество людей хотели большей свободы, большей открытости, всего того, о чем Вы говорили, назначая реформистски мыслящих министров. С другой стороны, все еще есть те, кого я мог бы назвать хулиганствующими элементами, кто пристает к женщинам на улице, если им не нравится их внешний вид, препятствует некоторым преподавателям вести занятия в школах, т.е. видна конфронтация. Куда она может привести?

Президент Хатами: Я не считаю это серьезным конфликтом. Конечно, есть разные тенденции, которые также проявлялись и во время выборов. Но люди сделали свой выбор. Я уже говорил и продолжаю настаивать, чтобы власть закона была превыше всего, и никто не должен считать себя стоящим над законом и пытаться навязывать свою волю другим. Некоторые трения вполне естественны в демократическом обществе. Наша цель заключается в том, чтобы все привести в соответствие с законом. Могут иметь место разные случайности или действия, выходящие за рамки законности. Но мы не пожалеем никаких усилий для того, чтобы установить правление закона. Конечно, для начала мы должны создать атмосферу понимания в своей собственной среде и научиться терпимо относиться друг к другу. Невозможно добиться понимания и терпимости в обществе силой. Мы определились с тем, что в обществе должно быть только одно правительство и каждый должен подчиняться закону. Я думаю, что все согласны с тем, что закон является основой общественного порядка. К счастью, наш лидер полностью придерживается такого взгляда. Я надеюсь, что мы можем предпринять больше практических шагов для внедрения права закона в наше общество.

Аманпур: Господин Президент, Вы являетесь президентом Ирана, Вы дали определенные обещания народу Ирана, а теперь Вы говорите о диалоге с другими странами. Можете ли Вы осуществить обещания, данные народу Ирана? Имеете ли Вы власть и поле для маневра и можете ли Вы во

внешнеполитической сфере проводить соответствующую политику?

Президент Хатами: Конечно, после избрания кто-то может руководствовать обещаниями, а может отречься от них. Я твердо намерен выполнить свои обещания и уверен, что атмосфера способствует этому и улучшается день ото дня. Каждый человек выполняет свои обязанности согласно с требованиями закона. Президент предпринимает усилия для решения важной задачи, связанной с проведением в жизнь конституции. Я впервые учредил группу по мониторингу конституционных отправлений, и эта группа активно работает, чтобы ликвидировать случаи нарушения или некорректного исполнения конституции. Мы будем серьезно противодействовать любым отступлениям от конституции или нарушениям ее положений. И мы преуспеем в этом. Иран имеет одно правительство, которое принимает решения по вопросам внутренней и внешней политики в рамках своих полномочий. Конечно, остается еще многое из того, что должно быть утверждено парламентом. Общая же политика является прерогативой выдающегося лидера. Но только правительство должно вершить политику. Я вижу, что на пути исполнения правительством властных функций нет препятствий, и правительство воспринимает свою собственную ответственность. Мы наверняка осуществим любую политику, которую мы сформулируем. Вполне возможно, что предварительные шаги в некоторых областях потребуют времени. Но когда мы утвердимся относительно какого-то политического курса, мы определенно реализуем его. Правительство ответственно за выполнение обязательств, ассоциируемых с его суверенной ответственностью в обществе.

Аманпур: Есть достаточно серьезная оппозиция со стороны консервативной фракции. Как Вы можете работать в такой обстановке, ограничены ли Вы?

Президент Хатами: Когда мы говорим о демократическом правительстве или правительстве народа, это означает, что мы воспринимаем оппозицию. Едва ли вообще можно иметь общество без оппозиции в нем. Расхождения во

мнениях естественны, и их можно найти в любом обществе. Мы работаем над тем, чтобы такие различия не перерастали в конфронтацию, и направляем их в легальное русло. Конечно, есть элементы, которые настроены оппозиционно по отношению к нашему правительству. Но пока их оппозиционность не выходит за рамки конституции, мы, конечно же, уважаем их. Но с теми, кто стремится навязать свою волю вопреки закону, мы будем поступать в соответствии с требованиями закона. Мы нормально воспринимаем внутренние различия, а также любую оппозицию, действующую в рамках конституции, даже если они открыто возражают правительству.

Аманпур: Тем не менее, существуют две фракции, которые, кажется, обретают сейчас в Иране свои очертания, более консервативная и та, которую Вы возглавляете, реформистски мыслящая, более умеренная. Как Вы думаете, где будет Иран через год, будут ли в нем свободы и открытость, о которых Вы говорили?

Президент Хатами: Пусть эти фракции проявят себя в рамках своего собственного контекста. Такие термины, как консервативная, умеренная и им подобные, более значащи на Западе. Конечно, в Иране также есть расхождения во мнениях. И одна политическая тенденция основывается на твердой вере в преобладание логики и закона, тогда как другая исходит из того, что она наделена возможностью не считаться с ним. Как бы там ни было, такие проявления требуют терпеливости, и мы должны пытаться управляться с таким пониманием, чтобы иметь возможность оставаться вместе при всех расхождениях во мнениях и не допускать хаотичного течения событий. Если мы осторожно подготовим почву для установления законности в нашем обществе, то не будет проблем во взаимоотношениях с оппозицией. Я считаю ее естественной, и нам нет необходимости беспокоиться по ее поводу. Конечно, для того, чтобы построить идеальное общество, придерживающееся должного порядка вещей, требуется время. У нас есть необходимое терпение, и наш народ тоже имеет его, и все мы пытаемся двигаться в

сторону организованного общества, где верховенство принадлежит логике и закону.

Аманпур: Господин Президент, большое Вам спасибо за то, что Вы были с нами.

Президент Хатами: Благодарю Вас и всех наших зрителей за их терпение.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Текст выступления президента Исламской Республики Иран на «Саммите тысячелетия» в ООН

Госпожа Председатель!
Господин Председатель!
Господин Генеральный Секретарь!
Дамы и господа!

В начале своего выступления я хотел бы от имени Исламской Республики Иран выразить признательность Генеральному Секретарю за обстоятельный доклад, в котором он очертил новые вызовы, с которыми столкнется мир в грядущем столетии. Проведение «Саммита тысячелетия» – это прекрасный повод оценить положение дел в мире, выявить новую роль ООН во всестороннем преобразовании мирового порядка и подчеркнуть коллективную ответственность и необходимость участия в этом всех стран и народов.

Человечество оставляет XX век, пройдя через тяжкие испытания эпохи, наполненной страданиями, кровью и дискриминацией. Оно устремляет свой взор в новое столетие с надеждой вступить в лучшее будущее, в котором будут царить уважение к человеку и его правам, и на мрачном небосводе прошлого наконец засияет яркое солнце справедливости.

О тяжких и мучительных испытаниях, выпавших на долю человечества, сказано немало. В большинстве случаев человек, этот многострадальный продукт истории, становился разменной монетой у власть предержащих, богачей и проходимцев, которые в предыдущие эпохи угнетали народы, зачастую «во имя человека» и «ради защиты человека». Наступило, однако, время развязывать узлы и путы, сковавшие человечество. Если в одной части мира люди живут в относительном материальном благополучии, они страдают

от разрыва между этим благополучием и духовной ущербностью, бездуховностью, а в другой части мира люди живут в нищете и невежестве, испытывая постоянный голод и, что хуже всего, испытывая гнет тирании тоталитарных и авторитарных режимов, подчас тесно связанных с великими державами и зависимых от них.

С другой стороны, результатом всех этих испытаний, выпавших на долю человечества, стала демократия, как величайшее достижение, добытое длительной борьбой, как величайшая ценность, получившая самые разнообразные проявления.

Человечество надеется, что в век пробуждения народов сильные мира сего будут хранить это достижение и прилагать все силы для утверждения свободы, защиты достоинства и неприкосновенности человека, всех людей.

Право человека распоряжаться своей судьбой, формирование власти, в первую очередь политической, на основе свободного выбора и волеизъявления народа; постоянный контроль народа над институтами власти и превращение такого контроля в общечеловеческий закон – таковы основные элементы демократии, каждый из которых должен иметь свое конкретное воплощение.

Однако то или иное проявление демократии нельзя навязывать человечеству как нечто окончательное и застывшее. Пусть важный опыт, который проходит в наше время, а именно: соединение демократии с духовностью и моралью, станет еще одним из устоев в жизни народа.

Пусть демократия, став основой жизни того или иного народа, служит критерием обновления жизни в международном масштабе. И точно так же мировое сообщество не должно терпеть существования тоталитарных режимов, враждебных собственному народу; оно не должно потворствовать интересам клики, стоящей у власти, или господствующим державам в ущерб интересам человечества. Таким образом, должны быть изменены и структура, и система власти и миропорядка: международное сообщество должно создать условия для того, чтобы не только граждане отдель-

ной нации или государства, но и все народы пользовались равными правами и уважением. Необходимо, чтобы различные национальные культуры и цивилизации, не теряя своей самобытности, могли взаимодействовать друг с другом, чтобы построить мир, проникнутый духовностью, идеалами гуманизма, чтобы свобода и прогресс стали достоянием всего человечества.

Вопрос состоит в том, способна ли ООН перестроиться и обновиться на таких принципах и основах.

Госпожа Председатель!
Господин Председатель!
Уважаемые участники саммита!

Современный мир нуждается в создании и расширении всеобщего пространства свободы и справедливости. В течение прошедших десятилетий мир не смог стать тем, что можно было бы назвать «цивилизованным международным сообществом», и именно это обстоятельство препятствовало конструктивному диалогу всех стран и народов, достижению взаимопонимания и решению глобальных проблем. Мы живем в такое время, когда в политике господствуют стремление к сохранению и усилению власти, диктат и стереотипы. И именно поэтому человеческая мысль и политическая борьба отвлекаются от решения фундаментальных вопросов философии, культуры и религии. Нет никакого сомнения в том, что в условиях господства стереотипов и безответственности власти ни одна из болезненных проблем не будет решена и ни один из вызовов, брошенных современному миру, не получит достойного ответа.

Необходимое условие всякого разумного и нравственного поступка в политической сфере – обеспечение возможности диалога, свободного от ограничений, создаваемых политической властью, оков формальной логики и дипломатического языка.

«Уверенность человечества в удовлетворении своих потребностей», «уверенность в обеспечении безопасности су-

ществования» и «создание прочных основ будущего и здоровой среды обитания», о чем говорилось в докладе Генерального Секретаря, могут быть гарантированы лишь при условии утверждения новых международных отношений на основе свободного и равноправного диалога.

На 53-й сессии Генеральной Ассамблеи мною было предложено в качестве первого шага провозгласить 2001 год годом диалога цивилизаций. Диалог цивилизаций – это стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений, чтобы исключить односторонние подходы и монолог в политике и культуре. Пришло время сделать еще один шаг вперед в этом направлении.

Уважаемые главы и члены делегаций!

В отношении диалога цивилизаций и культур пора перейти от лозунгов и теорий к его практическому осуществлению. Исходной точкой для этого должны стать преобразования планетарного масштаба. Наиболее зримыми эти преобразования стали на пути глобализации. При этом, хотя глобализм открывает перед человечеством новые возможности, однако на нем сказывается давление монополии власти и капитала.

Глобализация не должна сводиться к созданию более обширных рынков сбыта и поглощению национальных культур одной господствующей культурой. Это станет возможным лишь тогда, когда общие подходы, интересы и законы, осуществляемые на основе равенства и справедливости, будут распространяться во всем мире во имя прогресса.

Современный мир нуждается в создании такой нравственной атмосферы, в которой общественное мнение подвергало бы осуждению всякого рода силовые методы разрешения межнациональных и международных конфликтов. Общечеловеческие ценности и конфликты не могут применяться без соответствующих законов, а эти последние – без твердых гарантий их исполнения.

В русле глобализации, в процессе формирования целостного мира рождается новая мораль, вырабатываются новые коллективные права, которые находят отражение в международных институтах и законах. И именно на этом пути следует заботиться об усилении национального потенциала государств, укреплении суверенитета и народовластия, чтобы реально повысить уровень ответственности и международных обязательств. Предпосылкой для этого как раз и является усиление потенциала членов мирового сообщества, будь то государства или же общественные гражданские институты, с тем чтобы они могли активно участвовать в принятии решений международного характера.

И разве не пришло время задуматься о том, чтобы заложить фундамент для обеспечения причастности к этому всех членов международного сообщества, основанной на диалоге, доброжелательности и взаимопомощи, ответственность за которую взяла бы на себя ООН?

На предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи я внес от имени нашего уважаемого Лидера Исламской революции предложение об искоренении дискриминации при решении вопросов в ООН, и особенно в Совете Безопасности, для чего следует официально провозгласить равенство всех наций. Я до сих пор ожидаю положительной реакции на это предложение. Теперь от имени великого народа, имеющего славное прошлое, создавшего древнюю цивилизацию, свершившего великую духовную революцию, начавшего новый эксперимент создания народной власти, основанной на религии, мы провозглашаем: отныне ни один народ не может быть отодвинут на обочину истории, какими бы ни были доводы культурного, экономического или политического характера. Мир принадлежит всем людям, населяющим его, и никакие двойные стандарты при решении проблем современности, будь то проблемы национального или международного масштаба, неприемлемы. Поэтому наш долг развивать международные связи на основе философии сотрудничества, а не на основе философии силовых методов.

Настало время призвать мировое сообщество в третьем тысячелетии направить свои помыслы и усилия не по пути применения силы, а по пути диалога, и в конечном итоге – в духе любви и духовности. Сейчас ООН, как никогда, нуждается в демонстрации своей мощи и способности гарантировать, чтобы глобализация стала позитивным фактором в развитии всего человечества, чтобы утвердилось право наций на суверенитет перед лицом опасностей, которые могут возникнуть в ходе глобализации, чтобы в мире господствовало взаимное уважение народов к культуре, цивилизации и духовным традициям друг друга.

Перспектива создания нового мира видится в реализации демократических принципов в международных делах, в укреплении морально-правовых и политических критериев, основанных на диалоге и обмене идеями, а также на демократическом соревновании культур.

Сосредоточим же свои усилия на том, чтобы Организация Объединенных Наций развивалась на основе равноправного и справедливого участия всех народов и цивилизаций в управлении делами человечества в грядущую эпоху.

SUMMARY

I.Fedorova's monograph «Relations between the USA and the Islamic Republic of Iran» discusses the main stages of those relations during the last 25 years and aims to reveal both the reasons of their break off after the revolution of 1978-1979 in Iran and the prospects of improvement.

At the beginning of the book the author reviews the state of relations between the USA and Iran on the eve of the revolution, when they reached their peak after World War II. At that time Iran basing its power on the US support because dominant in the region.

The effect of Iranian revolution 1978-1979 in this area was crushing. Antiamericanism became one of the most important characteristic features of Iranian foreign policy. The author undertakes an attempt to analyse the reasons and the consequences of this phenomenon. In this connection a detailed analysis of Iran Contra Affair in provided by the author.

Various aspects of the crisis which has been in progress for the last 25 years are paid attention in the book. The present day state of relations is determined by the following factors: the anti-American orientation of Iranian foreign policy which is important for turning attention of Iranians from domestic problems to external threat, the support of international terrorism by Iran, the opposition to the process of settlement in the Nears East and the attempts to obtain chemical and nuclear weapons.

At the final stage of her work the author comes to an important conclusion that despite the tension that is vividly seen nowadays, theze are symptoms of improving relations between the Islamic Republic of Iran and the USA.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.
Американо-иранские отношения в российской историографии.....1
Глава I.
США и Иран накануне революции 1978-1979 гг.....6
Глава II. Соединенные Штаты Америки и иранская революция 1978-1979 гг. 19
Глава III.
Экономические отношения США и ИРИ после революции.....32
Глава IV.
Ирангейт.....41
Глава V.
Исламская Республика Иран и США и 80-е годы 60
Глава VI.
Отношения Ирана и США в середине 90-х годов.....78
Глава VII.
Иран – США. Конец 90-х годов 90
Вместо заключения.
Ирано-американские отношения – рубеж веков.....97
Приложение I.
Акт о санкциях в отношении Ирана и Ливии, принятый Конгрессом США.....105
Приложение II.
Изложение интервью CNN с президентом Исламской Республики Иран Мохаммедом Хатами 7 января 1998 г. 108
Приложение III.
Текст выступления президента Исламской Республики Иран на «Саммите тысячелетия» в ООН.....132
Summary..... 138

Федорова Ирина Евгеньевна, старший научный сотрудник Сектора Ирана, занимается проблемами внешней политики Исламской Республики Иран.

Научное издание

Федорова Ирина Евгеньевна

Иран – США:
диалог и противостояние

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Корректор М.Я. Колесник
Верстка А.С. Булатов

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 15.02.04. Подписано к печати 10.05.04

Отпечатано на ризографе в ООО КПСФ
"Спецстройсервис-92"
Отдел оперативной полиграфии
101000, Москва Мясницкая 35, стр.2
Тираж 200 экз. Заказ № 4587

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю. В. Чудодеев